

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2022
3(34)

ISSN 2587-9472
Эн № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-77599

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 3 (34)' 2022

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор:

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ.

Заместитель главного редактора:

Алешукина С.А.,

канд. юрид. наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета.

Редакционный совет:

Председатель – Семенов А.В., *д-р экон. наук, профессор, ректор Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Бабурин С.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ;*

Бандурина Н.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);*

Букалерева Л.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Бытко С.Ю., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии;*

Гущин В.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности;*

Давитадзе М.Д., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Одицовского филиала Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел РФ;*

Землин А.И., *д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой транспортного права Российского университета транспорта, заслуженный деятель науки РФ;*

Кожевников О.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;*

Левушкин А.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Осавелюк А.М., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Сауляк О.П., *д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета;*

Федюнин А.Е., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии.*

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.

Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

*Системные требования: PC не ниже класса Pentium III;
256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows
98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X
и выше; мышь.*

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ РАЗУМА И ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРОЕКТ	5
<i>Загоров Орлин Тихомиров</i>	

СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	12
<i>Антонова Нана Алиевна</i>	
ФОРМА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: НОВЫЕ ГРАНИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ.....	18
<i>Некрасов Сергей Иванович</i>	
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА»	24
<i>Шульженко Юрий Леонидович</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

ЦИФРОВОЕ И АНАЛОГОВОЕ АВТОРСКОЕ ПРАВО: РАЗЛИЧНЫ ЛИ ПРИНЦИПЫ?	31
<i>Матвеев Антон Геннадьевич</i>	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ	38
<i>Чернядьева Наталья Алексеевна</i>	

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

ПОНЯТИЕ САМОРЕГУЛИРУЕМОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	43
<i>Васильев Алексей Олегович</i>	
ОСНОВНЫЕ ВЕЩНО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ	50
<i>Слабоспицкий Анатолий Сергеевич, Эльдерханов Мансур Адланович</i>	

CONTENTS

ISSUES OF THEORY AND HISTORY OF LAW

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AS A CIVILIZATION OF MIND AND THE EURASIAN PROJECT	5
<i>Zagorov O.T.</i>	

CONTENT, PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW

PROBLEMS OF DETERMINING THE COMPETENCE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES	12
<i>Antonova N.A.</i>	
THE FORM OF THE RUSSIAN STATE: NEW FACETS IN THE CONTEXT OF CONSTITUTIONAL REFORM	18
<i>Nekrasov S.I.</i>	
TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF "POLITICAL SYSTEM"	24
<i>Schulzhenko Yu.L.</i>	

RELEVANT ISSUES OF PRIVATE LAW

DIGITAL AND ANALOGUE COPYRIGHT LAW: ARE THE PRINCIPLES DIFFERENT?.....	31
<i>Matvyev A.G.</i>	
SOME ASPECTS OF COMPARATIVE LAW RESEARCH IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW	38
<i>Cherniadeva N.A.</i>	

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

THE CONCEPT OF A SELF-REGULATORY ORGANIZATION AND ITS PLACE IN THE SYSTEM OF NON-PROFIT LEGAL ENTITIES.....	43
<i>Vasiliev A.O.</i>	
THE MAIN PROPRIETARY METHODS OF PROTECTING CIVIL RIGHTS	50
<i>Slabospitsky A.S., Elderkhanov M.A.</i>	

УДК 316.752+340.12

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ РАЗУМА И ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРОЕКТ

Загоров Орлин Тихомиров,
д-р филос. наук, профессор, академик,
e-mail: orlinzagorov@gmail.com,
г. София, Республика Болгария

Цель исследования – раскрыть фундаментальное значение формирования идеи устойчивого развития как мировоззрения и парадигмы непреходящей культурной ценности. Это не означает недооценку практических задач, которые необходимо решить. Однако если начать с них без создания прочного концептуального фундамента, идея устойчивого развития может повторить судьбу многих светлых идей, реализация которых начиналась с большим энтузиазмом и заканчивалась разочарованием с тяжелыми последствиями. Соответственно, следует начать с создания устойчивого созвучия духа революции и революции духа. Евразийский проект дает прекрасную возможность для этого. Устойчивое развитие включает не только экономику, экологию, справедливое общество, но и духовность, поднимающую ответственность в устойчивый нравственный императив. Обосновывается единственно возможная перспектива для Европы – создание модели гуманистической цивилизации, функционирующей как отечество наций. Основные аспекты устойчивого развития имеют экономический, экологический, социальный и духовный характер. Устойчивости нельзя добиться вообще, если пренебречь хотя бы одним из приведенных аспектов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, цивилизация разума, десапиенизация, трансгуманистическая революция, новый мировой порядок

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AS A CIVILIZATION OF MIND AND THE EURASIAN PROJECT

Zagorov O.T.,
Doctor of Philosophy, Professor, Academician,
e-mail: orlinzagorov@gmail.com,
Sofia, Republic of Bulgaria

The purpose of this article is to reveal the fundamental importance of the forming of the idea of sustainable development as a worldview and paradigm of enduring cultural value. This does not mean underestimating the practical problems that need to be solved. However, if you start with them without creating a solid conceptual foundation, the idea of sustainability can repeat the fate of many bright ideas, the implementation of which began with great enthusiasm and ended in disappointment with dire consequences. This means that we must begin with the creation of a stable consonance of the spirit of the revolution with the revolution of the spirit. The Eurasian project provides an excellent opportunity for this. Sustainable development includes not only the economy, ecology and just society, but also spirituality, which raises responsibility to a sustainable moral imperative. The only possible perspective for Europe is substantiated – the creation of a humanistic civilization as a model, functioning as a fatherland of nations. The main aspects of sustainable development are economic, environmental, social and spiritual ones. Sustainability cannot be achieved at all if one of these aspects is neglected.

Keywords: sustainable development, civilization of mind, desapienization, transhumanist revolution, new world order

DOI 10.21777/2587-9472-2022-3-5-11

В настоящее время нет тенденции, которая была бы могучее революции духа. Все существовавшие до сих пор мировые религии и политические доктрины в той или иной степени уже исчерпаны или опорочены. Как отмечал Л.Н. Толстой, как скоро идеал, более высокий, чем прежний, поставлен перед человечеством, все прежние идеалы меркнут, как звезды перед солнцем.

В начале XXI в. человечество стоит перед экзистенциальным императивом: объединением всех гуманистически направленных сил, чтобы положить конец грабежу плодов чужого труда и истощительной эксплуатации природы, неразумному использованию достижений науки и техники. Это залог торжества гуманистической цивилизации – вечного искушения для человеческого духа и единственного выбора для свободного человека. Даже просто осознание этой необходимости является достаточно серьезным доказательством того, что человеческий разум, наконец, пробуждается к глубокой и радикальной переоценке современной потребительской цивилизации.

Человечество постепенно осознает, что мир оказывается «вне контроля», и встречает XXI в. в состоянии «полного беспорядка». В практическом плане это означает объявить устойчивое развитие важнейшей заботой управления – как в структурировании государственной политики, так и в расширении возможностей частного сектора. Соответственно, переход к новому типу общественных отношений следует осуществить не только в сферах экологии, экономики, социальной политики, но и в духовно-идеологических отношениях в мировом масштабе.

В этом смысле угрозы человеческой природной среде приобретают глобальный характер и становятся проблемами современного человечества. Впервые в своей истории все общества на планете находятся под угрозой из-за нарушения экологического равновесия, т.е. по причине пренебрежения законами природы, навязчивого отношения людей к ней. С этими проблемами сегодня сталкивается все человечество. Однако страны с развитой экономикой мало интересуются этим и борются за превосходство и престиж в мире, стремятся включить расходы на экологию в производственные расходы, вывозят «грязные технологии» в слаборазвитые страны. Это происходит из-за узаконенной коррумпирующей конкуренции вместо солидарности, субординации и кооперирования, как цели жизни.

Решение приведенной задачи требует не только определенной экологической культуры (знаний, сознания, поведения). Следует также добиться гармонического единства интеллекта, материализованного в мощи машин, и благородства духа, сочетания познания с мудростью, науки – с моралью, культуры – с цивилизацией. Процесс трансформации духа является трудным и мучительным, потому что он должен заставить богатых отказаться от своего теперешнего образа жизни, безумного гедонизма и корнукопии.

Суть проблемы – совершить переустройство биосферы в интересах жизни, но решение этой задачи требует определенной экологической культуры. В связи с рассматриваемой темой особое значение приобретает необходимость новой духовной организации социального пространства и социального времени. Речь идет не только о духовной экологии в тесном смысле слова, но и о комплексном обновлении общества и его ценностей, новом балансе ценностей. Духовная стратегия, которую мы стараемся обосновать, предусматривает утверждение нового синтеза добродетелей и подходов, принципов и ценностей, на основе которых следует строить гуманистический образ жизни. Создание соответствующей этой жизни духовной атмосферы увеличивает богатство и многообразие ежедневных форм духовного общения в широком смысле этого понятия. Данный процесс определяет основные характеристики духовной стратегии XXI в.

Современная капиталистическая цивилизация не способна стимулировать человека к непрестанному стремлению к гуманистическому образу жизни. Она скрывается за заманчивыми технологиями индустриальной революции, причем постоянно удаляется от сущности человеческого бытия и превращается в разрушительную силу, угрожая самим основам жизни под прикрытием трансгуманитарной революции [1, с. 46].

Факты подтверждают, что конечный результат такого существования – это десапиенизация гомо-сапиенса. Во всех своих перевоплощениях капитализм все более углубляет свой основной порок: экономический рост неизбежно ведет к беспрецедентному увеличению пропасти между богатством и бедностью, а изобилие рождает нищету. Это делает необходимой переоценку существующей до сих пор интерпретации таких фундаментальных понятий, как гуманизм, прогресс, развитие и справедливость.

Следовательно, устойчивое развитие – это процесс непрерывной трансформации перемен к лучшему миру путем глубоких изменений в образе жизни и новой культуры потребления. Отсюда проистекает и веление о поддержке экологического баланса, смены потребительского стиля жизни благоразумием, умеренностью, гуманизированием отношений человека и природы. Соответственно, это предполагает разумное и справедливое использование ресурсов планеты, чтобы обеспечить достойную жизнь как для настоящих, так и для грядущих поколений.

Ранее изложенное показывает торжество новой гуманистической «системы» созидательной цивилизационной модели с новой духовностью и нравственной философией, отстаивающей верховенство человеческого счастья как единственный и безусловный критерий прогресса. Только такая цивилизация способна объявить человеческое развитие целью, к которой человечество может направить свои объединенные усилия. Революция духа лежит в основе новой культурной стратегии, с помощью которой человечество может привести свои социальность и духовность в общий ритм с меняющейся Вселенной. Устойчивое развитие включает не только экономику, экологию и справедливое общество, но и духовность, поднимающую ответственность в устойчивый нравственный императив. В качестве постоянных компонентов идеи устойчивого развития они составляют суть гуманистической цивилизации – конечной цели прогресса. Чтобы привести в действие эти силы, нужны новый гуманизм, новое мышление, новое моральное отношение, которые имеют смысл философии созидания. Все это вызывает необходимость постоянного углубления, расширения и ускорения революции духа, поддерживая в то же время и дух революции в качестве двигателя истории. Это означает торжество новой универсальной цивилизации справедливого «мирового порядка», новой духовности и новой нравственной философии, отстаивающей верховенство человеческого счастья как единственный критерий прогресса.

Руководствуясь приведенной идеей, являющейся по своей сути революционной, участники конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде, состоявшейся в 1992 г. в г. Рио-де-Жанейро, представители 172 стран принимают Программу 21 «Стратегия спасения нашей планеты». В докладе комиссии, которую возглавлял Гру Харлем Брунтланн, впервые предлагается определение понятия «устойчивое развитие». В нем отмечается, что в процессе *устойчивого развития достигается удовлетворение жизненных потребностей сегодняшнего поколения, не лишая этой возможности будущих поколений*. Сама идея имеет длинную предысторию, которую следует изучать, потому что она подтверждает ее извечность. Действительно, если до XIX в. идея устойчивого развития являлась в большей степени реминисценцией тысячелетней мечты о рае на Земле, то с окончательным утверждением капиталистического образа жизни ее осквернение приобретает свою самую уродливую форму.

Новая культурная стратегия предусматривает развитие, обогащение и универсализацию гуманистической цивилизационной идентичности народов в мире, что возможно благодаря новой революции Разума, новой революции духа, чтобы на всей планете восторжествовала цивилизация Разума, Справедливости и Свободы. Основные аспекты устойчивого развития имеют экономический, экологический, социальный и духовный характер. Устойчивости нельзя добиться вообще, если пренебречь хотя бы одним из этих аспектов. Приходится констатировать, что в большинстве случаев и сегодня многие специалисты считают основными элементами экономический, экологический и, нередко, социальный контексты. Только отдельные их представители включают и духовные (культурные, духовно-идеологические, мировоззренческие, аксиологические, моральные, эстетические, юридические и политические) аспекты.

Идея устойчивого развития сталкивается с тяжелыми вызовами, соответственно, нуждается в защите. Конечной целью всего этого, как это было до сих пор в истории, является дискредитация одной из самых светлых идей общественной модели развития, основанной на гармоническом взаимодействии с окружающей средой и социальной справедливостью.

Все категоричнее становится убеждение, согласно которому против этих основных вызовов может встать лишь философия гуманизма, основывающаяся на том понимании, что логика исторического развития подпитывает разум, который отстаивает необходимость перехода от рабского труда к подлинному созиданию, от слепой гонки в пользу отдельного индивида к универсальной взаимности и солидарности. Это переход от отношений доминирования, которые ведут к деградации и господина, и раба, к свободе, в которой каждый может развернуть полный потенциал своего бытия, без ущерба для свободы и шансов других. Только такая философия может обосновать необходимость новой духовной организации

социального пространства и социального времени. Речь идет о комплексном обновлении общества и его ценностей. Духовная стратегия, которую мы стараемся обосновать, предусматривает утверждение нового синтеза добродетелей, принципов и ценностей. На этой основе строится устойчивая система специфических понятий, категорий, принципов и законов, формулирование которых входит в методы и методологию исследования философии устойчивого развития. Представляется, что устойчивое решение сформулированной проблемы кроется в помощи индивиду и человечеству в целом выработать адекватную позицию для осмысления реальных измерений тотального кризиса, охватившего современный мир, и путей его преодоления. Это тоже входит в предмет философии устойчивого развития [2].

В этом смысле потерю чувства святости, примирение со злом, массовые злоупотребления с помощью техники мировой окружающей средой можно объяснить ошибочным взглядом на место человека в мире и смысл его жизни. Самое главное – это то, что современному человеку не хватает духовного ощущения его места в природе. Наблюдается отсутствие чувствительности к изменениям на Земле, причиненным одной разрушительной цивилизацией. Мы – дети этой цивилизации. Соответственно, мы чужды так нужной чувствительности к ее преступлениям. Отсюда следует, что проблема – в человеке, состоянии его духа. Мы не сможем восстановить баланс в природе, если не наведем порядок в самих себе. Кстати, единственное, чего современный человек в состоянии добиться, – совершить моральное перерождение, чтобы осознать ту трагедию, в которой он принимает участие.

Столкновение между технологией и экологией по сути своей есть столкновение между культурой и цивилизацией. Концепция устойчивого развития является единственной разумной альтернативой иррациональных взглядов концепции о трансгуманной революции и связанной с ней «постчеловеческой эрой». Говоря об идее о новой цивилизационной модели, не следует пренебрегать тревогой, выраженной в докладе Международной комиссии образования в XXI в., возглавляемой Жаком Делором, на сессии ЮНЕСКО в 1996 г. В нем говорится следующее: «Тот факт, что горсть стран имеет реальную монополию на культурные индустрии, и что их продукты распространяются по всему миру и становятся достоянием все большей аудитории, имеет огромное значение для эрозии культурной идентичности. Эта часто пошлая и фальшивая "мировая культура" нередко внушает индиректным путем ценностные ориентации и может породить чувства грабежа и потери идентичности».

Устойчивое развитие предусматривает устойчивое сознание об экономических приоритетах, социальной справедливости, экологической ответственности, в основе которых лежит гуманизм. Идея устойчивого развития требует сосредоточить внимание не только на темпах роста и занятости, но и на том, что этот рост может и должен содействовать строительству справедливого общества, более устойчивой экономики и гарантировать благоденствие всех сегодня и завтра.

Известно, что еще в середине 20-х гг. XX в. эту каузу убедительно сформулировал князь Н. Трубецкой, ведущий представитель евразийства, который писал о том, что наша задача – создать одну полностью новую культуру, нашу собственную культуру, которая не будет похожа на европейскую цивилизацию.

Следовательно, евразийская идея – это не очередная политическая мимикрия, а глубинная стратегия, подпитанная гуманистическими наклонностями здравого разума. Запад должен преодолеть свои страхи перед тем фактом, что в евразийском пространстве роль «Второго Рима» после Византии всегда играла Россия. Специфика этого пространства в большой степени определяется Россией, которая с раннего времени организовывала в рамках огромной империи. В новых условиях молодая российская демократия призвана отказаться от своего имперского наследия, преобразовывая его в дух истинного демократического федерализма. С этой точки зрения, евразийская идея представляет собой специфическую цивилизационную парадигму. Данная идея нуждается в глубоком изучении в историческом, политическом, экономическом, философском, культурологическом плане для того, чтобы превратиться в обозримом будущем в организующий и вдохновляющий фактор [3, с. 121–134].

Чего в сущности больше всего не хватает ведущим политикам в Европейском союзе для осуществления многовековой мечты самых больших гуманистов всех времен? Проблема состоит не только в том, чтобы увеличить размер мирового богатства, но и в том, что после четырехкратного и более увеличения большинство населения планеты продолжит жить в нищете, а одно незначительное большинство выродится в коррумпированном изобилии.

Еще раз необходимо отметить следующее: углубленное исследование славянского мира и мудрости Евразии недвусмысленно подтверждает истину о том, что в этих масштабах Европа имеет устойчивую цивилизационную идентичность, которая гарантирует ей достойное место в семье цивилизованных народов мира. Раскрытие и осознание этой истины – одни из задач современной европеистики. Евразийская духовность несет в себе благоразумную этику потребления, экологическую безопасность, приоритет революции духа, новую форму духовной эволюции. Если не сосредоточить энергию человеческого разума на претворении этой истины, то человечество обречено. Следовательно, главной задачей человеческого разума является осветить путь к одной новой, гуманистической, неиспорченной, справедливой цивилизации, тысячелетиями символизирующей миф о рае на Земле. Возможно ли это? В противном же случае мы примиримся с парадоксальным внушением того, что человечество неудержимо идет к своей изначальной обреченности! Следовательно, без утверждения одной новой цивилизации альтернатива современной иррациональной системы повторится и в Космосе, когда человечество завладеет им. Нас не спасет и мысль о том, что мы можем переселиться в другое место во Вселенной, когда жизнь станет невозможной здесь.

Почти всегда, когда принимаются реальные шаги к переменам, это великое дело оказывается в руках сил, которые пробуют подчинить его интересам определенного меньшинства, подвластного полностью самым близким и непосредственным целям, без мысли о долгосрочной перспективе и заботы о судьбе будущих поколений. Это, в конечном счете, приводит к одной иррациональной модели развития, дальнейшее углубление которой неизбежно означает пропасть между богатством и бедностью, когда изобилие постоянно порождает страдания для обширных зон нищеты и отсталости.

Единственно достойная перспектива для Европы – создание модели гуманистической цивилизации, функционирующей как отечество наций, что является залогом, цену которого готовы заплатить народы. Это означает утверждение понимания того, что эффективность национальной экономики, создание гражданского общества и гарантия безопасности жизни в большой степени зависят от соблюдения принципа социальной справедливости во всех сферах общественной жизни, в том числе и в экономических отношениях. Как пишет академик Л.И. Абалкин, главным ориентиром социальной политики на современном этапе является стимулирование экономической активности, т.е. создание предпосылок, при которых каждый человек будет способен своим трудом, энергией, инициативой и талантом обеспечивать достаточные условия для своей жизни и жизни своей семьи [4].

Л.И. Абалкин и другие авторитетные русские экономисты убеждены в том, что обязательным условием для развития национальной экономики является модернизация основных параметров экономических отношений на современном этапе не только в технологическом и организационно-правовом аспектах, но и в гуманистическом направлении. Только в таком случае социальная справедливость превращается в существенный фактор для социально-экономического развития Европы. В этом смысле славянский мир располагает неограниченным потенциалом для обогащения духовных аспектов устойчивого развития как неизбежной перспективы прогресса, преодолевая основные пороки предыдущих моделей развития, одни из которых проваливаются из-за порочности самой системы, а другие – вследствие порочности людей, которые не доросли до их величия.

Очевидно желание миллиона людей об общественном устройстве, гарантирующем справедливое распределение в пользу всего общества. Это особенно осязаемо чувствуется после Второй мировой войны, когда гуманисты со всего мира, в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, воспринимают идею о новом мировом порядке, обязанности человеческого рода оставить будущим поколениям один лучший мир, в котором демократизация и человеческие права, свободы являются основным приоритетом. Это дает новый сильный толчок европейской мечте. На Европейский союз возлагаются смелые надежды, однако все они остаются только надеждами. Европа имеет перспективы надежной геополитической силы и устойчивой цивилизационной модели только как гарант для утверждения одного мира, моделированного по гуманистическим идеалам Ренессанса и Просвещения. Этот новый мир в последнее время связывается с идеей устойчивого развития, сочетающего в ограниченном единстве научно-технический прогресс и дух революции как двигателя революционного духа.

Известно, что первые цивилизации родились в долинах рек Тигр и Евфрат около 3500 лет до н.э., на Ниле – около 3200 лет до н.э., в восточной части Мексики – около 1500 лет до н.э., в Судане – около 1000

лет до н.э. и т.д. Здесь возникли первые города-державы и империи, установившие некоторые из основных ценностей цивилизации: сохранение более или менее прочного мира на значительных территориях за длительный период времени, прогресс в отношении к женщине, кодекс законов, с помощью которых вводились элементы общественного порядка и справедливости, гармоничное взаимодействие с природой.

Почти в это же время или немного позже происходили постоянно растущие внутренние столкновения, начались первые жестокие и страшные со своими разрушительными последствиями военные конфликты, углубление разделения на богатых и бедных, а также возникали противоречия, вызванные коррумпированным и плутократическим управлением, развратом и беззаконием среди его элиты, рабством, ухудшающимся общественным положением женщин и т.п.

В настоящее время, вместе с Ш. Фурие, можем задать себе следующий вопрос: «Если этот цивилизационный строй (после дикарства и варварства – *О.З.*) ожидал двадцать пять веков для того, чтобы произвести это общественное бедствие, не породит ли он еще много других бедствий, которых мы не в состоянии предвидеть?» [5]. Существует ли что-либо более несовершенное, чем эта цивилизация, которая влечет за собой все бедствия? Есть ли что-то более сомнительное, чем мысль о том, что этот строй необходим и вечен? Английский философ Д. Рафаэль создал обобщенный образ современной цивилизации: культ к неудержимому насилию наряду с культом к потреблению – два основных и все больше нарастающих порока каждого общества, основанного на социальной несправедливости.

Сегодня уже осязаемо можно почувствовать, что постепенно утверждается человек нового типа (античеловек) как носитель этой порочной модели развития. Об его появлении предупредил нас немецкий философ Ф. Ницше.

Все это заставляет неоправданных, ограбленных и обреченных на нищету и унижительное существование людей проникнуться сознанием о неизбежной необходимости заменить современную порочную цивилизацию с ее гуманистической альтернативой. Однако это предполагает возвышение человека до идеи об единстве мира. Речь идет о чем-то совсем постижимом. Самое важное условие для этого античеловека – целостность человечества. Главной целью революции духа остается социальная справедливость – активная идея, с которой начинается и формирование новой личности. Это предполагает установление на Земле цивилизации, способной объявить человеческое развитие основной целью, к которой человечество должно направить свои объединенные и верховные усилия. Революция духа лежит в основе культурной эволюции, через которую человечество может привести свою социальность и духовность в соответствие со своей миссией придавать смысл бытию и одухотворяющей силой могучего порыва к жизни. Мысль о таком мире привлекает все больше взглядов молодых людей в Европе к духовной практике Евразии [6, с. 316–317]. Однако и эта великая истина сталкивается с различной интерпретацией, обслуживающей противоположные интересы. Например, Зб. Бжезинский по-своему интерпретирует факты, связанные с евразийской доктриной [7]. Лидер Казахстана Нурсултан Назарбаев предлагает иную, более трезвую версию евразийской идеи.

Гуманистическая цивилизация имеет свои проекции на всех основных этапах исторического развития. Их сущность сводится к демократии в управлении, братству в обществе, равенству прав и ответственностей, всеобщему образованию, одинаково доступному для всех членов общества, благоразумию в потреблении и т.д. Для этого постоянно борются опыт, разум и наука. В наши дни эта идея приобретает следующий вид: «У всех должно быть достаточно, и ни у кого не должно быть избытка». Это общество является полным отрицанием современной цивилизации, подверженной «великой жажде богатства», ставшей крайним предназначением человечества, а вульгарная алчность стала движущей силой [8].

При этой гуманистической цивилизации, которая идентифицируется с гармоничным, справедливым, толерантным и экологически функционирующим обществом, основанным на благоразумии, устойчивости и человечности, постигается эманация труда и восстанавливается человеческое достоинство. Таким же способом господство капитала над трудом заменяется на их равенство в процессе воспроизводства, а экономический рост и новые технологии, являющиеся главными факторами в этом процессе, начинают функционировать как ускорители прогресса в его самом широком смысле. Благодаря этому ограничивается и впоследствии преодолевается коммерциализация образования, здравоохранения, искусства, науки, средств массовой информации, спорта и других областей духовной жизни общества.

Список литературы

1. *Фери Л.* Трансхуманитарна революция. – София, 2017.
2. *Загоров О.* Въведение във философията на устойчивото развитие. – София: Устойчиво развитие за България, 2019.
3. *Панарин А.С.* Философия политики. – Москва: Новая школа, 1996. – 424 с.
4. *Абалкин Л.И.* Избранные труды: в 4 т. – Москва: Экономика, 2000. – Т. 4. – 798 с.
5. *Фурие Ш.* Новият свят. – София, 1974.
6. *Швайцер А.* Култура и етика. – София, 1990.
7. *Бжезинский Зб.* Извънконтрол. Глобален безпорядък в навечерието на XXI в. – София, 1994.
8. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Сочинения / Маркс К., Энгельс Ф. – София: Партиздат, 1967. – С. 174–175.

References

1. *Feri L.* Transhumanitarna revolucija. – Sofiya, 2017.
2. *Zagorov O.* V"vedenie v"v filosofiyata na ustojchivoto razvitie. – Sofiya: Ustojchivo razvitie za B"lgariya, 2019.
3. *Panarin A.S.* Filosofiya politiki. – Moskva: Novaya shkola, 1996. – 424 s.
4. *Abalkin L.I.* Izbrannye trudy: v 4 t. – Moskva: Ekonomika, 2000. – T. 4. – 798 s.
5. *Furie Sh.* Noviyat svyat. – Sofiya, 1974.
6. *Shvajcer A.* Kultura i etika. – Sofiya, 1990.
7. *Bzhezinskij Zb.* Izv"nkontrol. Globalen bezporyad"k v navecherieto na XXI v. – Sofiya, 1994.
8. *Engel's F.* Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva // Sochineniya / Marks K., Engel's F. – Sofiya: Partizdat, 1967. – S. 174–175.

УДК 342.25

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Антонова Нана Алиевна¹,

д-р юрид. наук,

e-mail: Antonova.NA@tversu.ru,

¹Тверской государственной университет, г. Тверь, Россия

Изучается понятие компетенции органов местного самоуправления. Рассматривается трансформация данной категории в условиях реформирования института местного самоуправления. Проводится сравнительный анализ отдельных положений действующего Федерального закона РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и внесенного в Государственную Думу Федерального Собрания РФ законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Исследуются проблемы определения вопросов местного значения на разных этапах развития законодательства о местном самоуправлении. Ставятся вопросы о необходимости четкого закрепления компетенции органов местного самоуправления с целью оптимальной организации деятельности всего государственного аппарата. Формулируется вывод о системном преобразовании местного самоуправления в Российской Федерации, затрагивающем как территориальную организацию местного самоуправления, так и порядок определения компетенции органов местного самоуправления. Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой, формально-юридический методы, а также общенаучные методы познания.

Ключевые слова: местное самоуправление, компетенция, полномочия органов местного самоуправления

PROBLEMS OF DETERMINING THE COMPETENCE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES

Antonova N.A.¹,

Doctor of Legal Sciences,

e-mail: Antonova.NA@tversu.ru,

¹Tver State University, Tver, Russia

The article analyzes the concept of competence of local self-government bodies. The author considers the transformation of this category in the conditions of reforming the institution of local self-government. A comparative analysis of certain provisions of the current Federal Law "On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation" from October 6, 2003, and the draft law "On the general principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority" submitted to the State Duma is carried out. The problems of defining issues of local importance at different stages of the development of legislation on local self-government are considered. Questions are raised about the need for a clear consolidation of the competence of local self-government bodies in order to optimally organize the activities of the entire state apparatus. The conclusion is made about the systemic transformation of local self-government in the Russian Federation, affecting both the territorial organization of local self-government and the procedure for determining the competence of local self-government bodies. The methodological basis of the presented work was: the comparative legal method; formal-legal method; general scientific methods of cognition.

Keywords: local self-government, competence, powers of local self-government bodies

DOI 10.21777/2587-9472-2022-3-12-17

Природа деятельности любых властных органов проявляется через их функции, задачи деятельности и компетенцию. При этом властный характер органов предъявляет определенные требования к тому, как должны быть законодательно определены названные категории, характеризующие их правовую сущность.

Функции, задачи, компетенция органов государственной власти и местного самоуправления взаимосвязаны и взаимозависимы. Определяющей категорией в этом триединстве являются функции как основные направления деятельности. Любое государство, исходя из выполняемых им функций, определяет функции своих органов, образующих его аппарат.

Исходя из функций, определяются задачи органов и, как продолжение этого, компетенция, которой они наделяются. В юридических источниках авторы неоднократно обращались к теме определения понятия «компетенция властных органов» [1–4]. При наличии некоторых отличий этих понятий все же следует отметить, что большинство авторов сходятся во мнении, что под компетенцией следует понимать совокупность предметов ведения и полномочий таких органов.

Обращаясь к теме определения компетенции муниципальных органов, мы должны учитывать те серьезные изменения, которые происходят в настоящее время в сфере организации деятельности этих органов. Внимание к данному вопросу никогда не утрачивало своей актуальности, поскольку от того, каким образом определена компетенция органов власти, взаимосвязанных с органами иных уровней (федеральным и региональным), зависит то, насколько оптимально будет распределена в целом компетенция между разными уровнями власти, а отсюда, как следствие, насколько слажено будет работать весь государственный механизм.

После принятия в 2020 г. поправки в Конституцию РФ, согласно которой органы государственной власти и местного самоуправления образуют единую систему публичной власти, потребовалось внесение изменений в действующее законодательство, регулирующее деятельность как органов государственной власти субъекта Российской Федерации, так и органов местного самоуправления.

В Конституции РФ местное самоуправление признано в качестве одной из основ конституционного строя. В силу этого оно рассматривается как обязательный элемент конституционного механизма [5]. Следовательно, функционирование данного института должно быть организовано таким образом, чтобы он действовал в соответствии с государственной политикой и был направлен на обеспечение жизнедеятельности населения, проживающего на конкретной территории. С этой целью компетенция органов местного самоуправления должна быть определена так, чтобы это соответствовало современным представлениям о местном самоуправлении, его месте в государственном механизме и его задачам, главная из которых – обеспечение достойной жизни населения на конкретной территории, поскольку Россия определена в Конституции РФ как социальное государство.

При определении компетенции органов местного самоуправления выявляются свои особенности. Так, составной частью понятия «компетенция органов местного самоуправления» являются не предметы ведения, а вопросы местного значения. Они закреплены в действующем Федеральном законе РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ, Федеральный закон, Закон)¹. Особенность закрепления вопросов местного значения в Федеральном законе № 131-ФЗ состоит в том, что они дифференцированы в зависимости от типа муниципального образования. В свое время это было сделано в законодательстве о местном самоуправлении впервые, в противовес той ситуации, которая существовала еще в Законе РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР»², в котором закреплялся общий перечень вопросов, необходимых к решению любым муниципальным образованием. Однако мы понимаем то, что муниципальные образования являются разными, имеют неодинаковые возможности, соответственно, каждое из них не может равнозначно решить все вопросы.

Дифференциация вопросов местного значения по типам муниципальных образований в Федеральном законе № 131-ФЗ имела определенный положительный результат. Во-первых, муниципальные образования были освобождены от тех вопросов, которые не могли в силу финансовых ресурсов решить

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

² Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 29. – Ст. 1010.

самостоятельно, во-вторых, Закон предусматривает возможность перераспределения вопросов местного значения между муниципальными районами и поселениями, входящими в его состав, тем самым создавая возможность решить тот или иной вопрос на том уровне, на котором это будет наиболее оптимально.

Проблема с определением компетенции муниципальных органов заключается в порядке ее законодательного оформления. Так, вопросы местного значения определены в Федеральном законе № 131-ФЗ, однако вторая часть компетенции – полномочия органов местного самоуправления – распределена по отраслевому законодательству. Так, полномочия органов местного самоуправления закреплены в таких законах, как Федеральный закон РФ от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³, Федеральный закон РФ от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»⁴ и др. Это приводит к тому, что органы местного самоуправления имеют компетенцию, законодательно закрепленную в большом массиве правовых актов. Все это негативно сказывается на практике применения такого законодательства. Данная ситуация постоянно грозит тем, что возможно возникновение противоречия между положениями разных правовых актов, регулирующих, как правило, не только деятельность органов местного самоуправления, но и в целом реализацию определенной группы полномочий властных органов в той или иной сфере управления.

Формулировка самих вопросов местного значения вызывает ряд проблем. Признание местного самоуправления государством и определение круга вопросов местного значения являются главными из условий существования муниципальной власти. В связи с этим четкое установление вопросов местного значения является необходимым условием определения места муниципальной власти в системе народовластия в Российской Федерации, ее взаимоотношения с государственной властью, а также, следовательно, условием разграничения сферы правотворчества всех уровней. Как отмечает В.И. Васильев, «функциональное назначение местного самоуправления заключается в особом способе децентрализации управленческих дел, близких к условиям жизни людей, причем не больших людских масс, а главным образом малых групп и конкретных граждан. Решение этих дел требует безусловного учета местных условий и возможностей, а также демократических процедур, обеспечивающих осуществление непосредственным образом права граждан участвовать в управлении публичными делами, и на этой основе способствует повышению эффективности управления» [6].

Как уже ранее нами отмечалось, анализ перечня вопросов местного значения муниципальных образований показывает, что законодатель использует различные ключевые термины, не раскрывая их содержания. Единообразный подход к трактовке терминов, характеризующих вопросы местного значения, является очень важным, поскольку, в конечном счете, от этого зависит то, какие действия могут и должны осуществлять органы местного самоуправления, в том числе могут ли они принимать по тем или иным вопросам нормативные правовые акты, т.е. осуществлять в пределах своих полномочий правотворчество [7]. Наиболее часто употребляемыми законодателем терминами являются «организация», «обеспечение условий», «создание условий», а также «участие», «обеспечение», «оказание действия». Как следует из разъяснений Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по вопросам местного самоуправления, значение этих понятий необходимо определять из содержания норм Федерального закона № 131-ФЗ, положений Конституции РФ, на основании которых сформулированы вопросы местного значения, и законодательных актов, регулирующих решение вопросов местного значения органами местного самоуправления.

Следует отметить, что в ст. 18 Федерального закона № 131-ФЗ закреплены принципы правового регулирования полномочий органов местного самоуправления. Однако анализ этой статьи показывает, что речь идет не об определении правового регулирования полномочий органов местного самоуправления, а о порядке установления вопросов местного значения. Так, согласно ч. 1 ст. 18 Федерального закона № 131-ФЗ перечень вопросов местного значения не может быть изменен иначе как путем внесения изменений и дополнений в названный закон, за исключением случаев, определенных в нем. О

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 46. – Ст. 5553.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 1. – Ст. 2.

полномочиях в данной статье речь идет только в связи с тем, что Закон запрещает возложение на муниципальные образования обязанности финансирования расходов, возникших в связи с осуществлением органами государственной власти и (или) органами местного самоуправления иных муниципальных образований своих полномочий. Исходя из этого, следует констатировать, что Федеральным законом № 131-ФЗ лишь отчасти определены правила формирования компетенции органов местного самоуправления. Главным принципом, закрепленным в нем, в этом случае является тот, согласно которому вопросы местного значения определяются только Федеральным законом № 131-ФЗ.

Вместе с тем нельзя сказать, что действующий закон о местном самоуправлении не упоминает полномочия органов местного самоуправления. Статья 17 этого акта посвящена полномочиям органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения. Однако их анализ позволяет говорить о том, что речь идет об организационных полномочиях этих субъектов, которые заключаются в принятии устава муниципального образования, установлении его официальных символов, учреждении печатного средства массовой информации и т.д. Даже то обстоятельство, что в приведенной статье закрепляются полномочия органов местного самоуправления по организации теплоснабжения, полномочия в сфере водоснабжения и водоотведения, а также в сфере стратегического планирования, не дает основания говорить, что в данном случае закреплены конкретные полномочия органов местного самоуправления.

Очевидно, такая ситуация должна быть изменена. 16 декабря 2021 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ внесен проект Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который в очередной раз ломает всю систему организации местного самоуправления и предлагает взамен ей новую. Именно системное преобразование предусмотрено новым проектом, поскольку изменяются территориальная организация местного самоуправления, его организационные основы и ряд других положений. Изменению подлежит, в том числе, и порядок определения компетенции органов местного самоуправления.

В соответствии с новым проектом закона такая категория, как «вопросы местного значения», фактически исключена из сферы правового регулирования местного самоуправления. При этом в рассматриваемом проекте закреплены полномочия органов местного самоуправления.

Согласно Пояснительной записке к проекту рассматриваемого законодательного акта, он предусматривает уточнение компетенции органов местного самоуправления в целях приведения ее в соответствие с правовой природой местного самоуправления. Однако является ли та ситуация, при которой в законе определяются полномочия, но не называются вопросы местного значения, уточнением компетенции?

Обратимся к анализу полномочий органов местного самоуправления, которые определены в проекте. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что законопроект определяет полномочия только двух органов: представительного органа и главы муниципального образования.

При определении полномочий представительного органа местного самоуправления авторы законопроекта практически повторили норму действующего законодательства об исключительных полномочиях этого органа. Что же касается полномочий главы муниципального образования, то в законопроекте названы полномочия, носящие в основном организационный характер: представительство муниципального образования во взаимоотношениях с иными субъектами, подписание и обнародование нормативных правовых актов, издание собственных правовых актов в пределах собственных полномочий, обеспечение осуществления органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения и отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъекта Российской Федерации.

Иными словами, законопроект, который нацелен на обеспечение «согласованного действия различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан»⁵, порождает ту ситуацию, при которой компетенция органов местного самоуправления оказывается практически не определенной законодательно. Вопросы местного значения, т.е. предметы ведения муниципальных образований, в про-

⁵ Заключение Конституционного Суда Российской Федерации: [от 16 марта 2020 г. № 1-3]. – URL: <http://www.legalacts.ru/sud/zakliuchenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16032020-n-1-z> (дата обращения: 18.09.2022). – Текст: электронный.

екте отсутствуют, а полномочия органов местного самоуправления сформулированы таким образом, что это не создает полной картины компетенционного содержания деятельности одного из уровней единой системы публичной власти.

Более того, как уже отмечалось, согласно законопроекту изменению подлежит и территориальная организация местного самоуправления. На смену двухуровневой организации местного самоуправления должна прийти одноуровневая. По мнению авторов законопроекта, которое отражено в пояснительной записке к нему, «одноуровневая организация местного самоуправления позволит создать новую систему организации власти на местах, в основе устройства которой будет заложен не территориальный принцип, а принцип привязки к населению». Согласно им, это должно, опять же, повысить эффективность органов местного самоуправления, укрепить финансовую основу их деятельности.

Предусматривается, что местное самоуправление будет осуществляться в городских, муниципальных округах и внутригородских территориях (внутригородских муниципальных образованиях) городов федерального значения.

Следует обратить внимание на то, что в соответствии с действующим Федеральным законом № 131-ФЗ тип муниципального образования при двухуровневой территориальной организации определяется исходя из таких двух критериев, как территория, на которой оно функционирует, и вопросы местного значения, а также руководствуясь отдельными государственными полномочиями, которые оно реализует.

Определение понятия тех типов муниципальных образований, которые предложены авторами законопроекта, основаны только на одном критерии – территории, на которой размещается муниципальное образование (городской округ и внутригородская территория города федерального значения), или количестве населения (муниципальный округ). Другими словами, типы муниципальных образований теперь не отличаются друг от друга по характеру решаемых вопросов местного значения, поскольку являются одноуровневыми.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что реформирование местного самоуправления переживает сложный период. Рассматриваемый законопроект за 30 последних лет существования местного самоуправления в Российской Федерации вносит очередные серьезные изменения в его организацию. Невольно вспоминается высказывание профессора Г.В. Барабашева, являющегося основателем современной теории местного самоуправления, о том, что местное самоуправление – трудное дитя России [8].

Соответственно, в очередной раз в законодательстве может возникнуть ситуация, которая будет порождать необходимость постоянного уточнения компетенции органов местного самоуправления.

Список литературы

1. *Благов Ю.В.* Компетенция органов местного самоуправления: дискуссионные вопросы // *Правоприменение.* – 2017. – Т. 1, № 4. – С. 117–128.
2. *Бялкина Т.М.* Полномочия органов местного самоуправления // *Вестник Воронежского государственного университета.* Серия «Право». – 2007. – № 1. – С. 82–88.
3. *Звягольский А.Ю., Эфрикян Р.А.* Вопросы местного значения и полномочия в сфере публичного управления органов местного самоуправления // *Современная научная мысль.* – 2016. – № 1. – С. 148–154.
4. *Уваров А.А.* О динамике компетенционных возможностей местного самоуправления в России // *Муниципальная служба: правовые вопросы.* – 2021. – № 3. – С. 26–29.
5. *Тимофеев Н.С.* Местное самоуправление России с точки зрения мифологической аранжировки // *Местное право.* – 2018. – № 4. – С. 9–18.
6. *Васильев В.И.* О функциональном назначении местного самоуправления // *Журнал российского права.* – 2007. – № 7. – С. 13–23.
7. *Антонова Н.А.* Правотворчество органов местного самоуправления: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. – Москва, 2009. – 330 с.
8. *Барабашев Г.В.* Местное самоуправление – трудное дитя России // *Местное самоуправление в России: состояние, проблемы и перспективы: материалы научно-практической конференции.* – Москва: Изд-во МГУ, 1994. – С. 11–20.

References

1. *Blagov Yu.V.* Kompetenciya organov mestnogo samoupravleniya: diskussionnye voprosy // *Pravoprimenenie*. – 2017. – Т. 1, № 4. – С. 117–128.
2. *Byalkina T.M.* Polnomochiya organov mestnogo samoupravleniya // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Pravo”*. – 2007. – № 1. – С. 82–88.
3. *Zvyagol'skij A.Yu., Efrikyan R.A.* Voprosy mestnogo znacheniya i polnomochiya v sfere publichnogo upravleniya organov mestnogo samoupravleniya // *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. – 2016. – № 1. – С. 148–154.
4. *Uvarov A.A.* O dinamike kompetencionnyh vozmozhnostej mestnogo samoupravleniya v Rossii // *Municipal'naya sluzhba: pravovye voprosy*. – 2021. – № 3. – С. 26–29.
5. *Timofeev N.S.* Mestnoe samoupravlenie Rossii s tochki zreniya mifologicheskoy aranzhirovki // *Mestnoe pravo*. – 2018. – № 4. – С. 9–18.
6. *Vasil'ev V.I.* O funkcional'nom naznachenii mestnogo samoupravleniya // *Zhurnal rossijskogo prava*. – 2007. – № 7. – С. 13–23.
7. *Antonova N.A.* Pravotvorchestvo organov mestnogo samoupravleniya: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.02. – Moskva, 2009. – 330 s.
8. *Barabashev G.V.* Mestnoe samoupravlenie – trudnoe ditya Rossii // *Mestnoe samoupravlenie v Rossii: sostoyanie, problemy i perspektivy: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii*. – Moskva: Izd-vo MGU, 1994. – С. 11–20.

УДК 342.413

ФОРМА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: НОВЫЕ ГРАНИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ¹

Некрасов Сергей Иванович¹,

канд. юрид. наук, профессор,

e-mail: s-nekrasov@yandex.ru,

¹Межрегиональная ассоциация конституционалистов, г. Москва, Россия

Политическая система представляет собой многогранную категорию, которая имеет, в том числе, и конституционно-правовое измерение, потому что конституционные реформы и трансформации порождают, как правило, и изменения политической системы. Конституционная реформа в Российской Федерации 2020 г. не стала исключением, в связи с тем что в ходе нее претерпели изменения все составляющие формы российского государства. В истории России не раз происходили изменения политической системы. С привлечением традиционного методологического инструментария обосновывается вывод о том, что масштабные текстуальные изменения Конституции РФ не привели, тем не менее, к радикальной трансформации сложившейся к началу реформы политической системы вообще и российского государства в частности. Главным в понимании политико-правовой сущности государства является не конституционное закрепление тех или иных характеристик государства, а реальные механизмы властвования, взаимодействия государства с обществом, гражданами.

Ключевые слова: политическая система, конституция, конституционная реформа, форма государства, форма правления, публичная власть

THE FORM OF THE RUSSIAN STATE: NEW FACETS IN THE CONTEXT OF CONSTITUTIONAL REFORM

Nekrasov S.I.¹,

Candidate of Legal Sciences, Professor,

e-mail: s-nekrasov@yandex.ru,

¹Interregional Association of constitutionalists, Moscow, Russia

The political system is a multi-faceted category that has, among other things, a constitutional and legal dimension, due to which constitutional reforms, constitutional transformations, as a rule, generate changes in the political system. The constitutional reform in the Russian Federation in 2020 was no exception, in the course of the reform, all the components of the form of the Russian state have undergone changes. In the history of the Russian state changes in the political system have taken place more than once. Using traditional methodological tools, the article substantiates the conclusion that large-scale textual changes to the Constitution of the Russian Federation did not, however, lead to a radical transformation of the political system in general and the Russian state in particular, which had developed by the beginning of the reform. The main thing in understanding the political and legal essence of the state is not the constitutional consolidation of certain characteristics of the state, but the real mechanisms of power, the interaction of the state with society, citizens.

Keywords: political system, constitution, constitutional reform, form of state, form of government, public power

DOI 10.21777/2587-9472-2022-3-18-23

¹ Статья подготовлена на основе доклада автора на Круглом столе «Конституционно-правовое регулирование политической системы в свете поправок 2020 г. в Конституцию Российской Федерации» (г. Москва, Институт государства и права РАН, 24 мая 2021 г.).

В исследовании различных граней политической системы особый (масштабный, значимый) вклад вносят представители конституционно-правовой (государственно-правовой) науки. Наиболее заметный всплеск соответствующих исследований наблюдается в отечественном государствоведении со второй половины 70-х гг. XX в. Основных причин здесь видится две. Во-первых, в Конституции СССР 1977 г. появляется специальная глава 1 «Политическая система» (причем эта глава сохранялась (с известными модификациями) даже после «перестроечных» изменений основного закона 1988–1990 гг., вплоть до прекращения действия Конституции СССР). Во-вторых, еще в советский период российские конституционалисты убедительно показали, что конституционное право – в высшей степени политизированная отрасль права, более того, политика составляет предмет конституционного права [1, с. 7–24] (убежденность в сохранении отмеченной отличительной черты отрасли конституционного права в том, что конституционные правоотношения неизбежно представляют собой политические отношения (хотя, безусловно, не все политические отношения регулируются нормами конституционного права), сохраняется в науке и на современном этапе)¹ [2, с. 67–71].

Обстоятельный анализ советской политической системы и, соответственно, теории политической системы занимает заметное место, в частности, в коллективных работах ученых Института государства и права РАН [3, с. 73–125; 4, с. 101–183; 5, с. 113–181]. Своего рода верность научной традиции просматривается в том, что, несмотря на отсутствие в действующей Конституции РФ не только специальной главы о политической системе, но и самого термина, отечественные конституционалисты постоянно обращаются к исследованию этой проблемы, в том числе в компаративистском ключе, через анализ, в частности, конституционных основ политической системы [6, с. 121–129].

Уклонившись от обстоятельного анализа различных подходов к пониманию политической системы (иногда в литературе используется термин «политическая организация общества», причем в качестве синонима политической системы)² и согласившись с актуальным, преобладающим видением политической системы как системы политических учреждений государственно-организованного общества (эти подходы могут быть широким и узким, политологическим и юридическим и т.п.), в качестве самостоятельных составных частей политической системы могут выделяться профсоюзы (а не только обобщенно «общественные (негосударственные, неправительственные) объединения»), политико-правовые отношения (а не только институты), все институты гражданского общества (а не только выполняющие политические функции), включая бизнес-структуры, предпринимательские сообщества и даже церкви³, отметим, что при любом подходе основным структурным элементом политической системы является государство, которое не только не подает ощутимых признаков отмирания, замены неким самоорганизованным обществом и т.п., но и подтверждает в сложных, чрезвычайных в планетарном масштабе ситуациях (в частности, связанных с пандемией) свои необходимость и востребованность.

Политическая система не является неизменной – она может быть разрушена, трансформирована, радикально обновлена (определение условий разрушений и трансформаций политической системы составляет, в частности, одну из задач политической науки)⁴. В истории российского государства изменения политической системы имели место не раз. Так, в 1917 г. политическая система была, очевидно, разрушена, тогда как в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. – радикально трансформирована (разрушения тогда все-таки не произошло, любая система должна обладать свойством устойчивости, и российская политическая система это свойство проявила). Менее радикальные трансформации происходили и позднее. Так, изменялись, в частности, избирательное законодательство и законодательство о формировании представительных учреждений, законодательство о политических партиях, соответственно, партийно-политический ландшафт Российской Федерации и т.п. Трансформация российской политической системы произошла и в ходе конституционной реформы 2020 г. Несмотря на масштабность реформы (изме-

¹ Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: Инфра-М, 2010. – Т. 1. – С. 21–33; Чиркин В.Е. Конституционное право в Российской Федерации: учебник. – Москва: Юрист, 2002. – С. 17; Васильева С.В., Виноградов В.А., Мазаев В.Д. Конституционное право России: учебник. – Москва: Эксмо, 2010. – С. 9–11.

² Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва: Советская энциклопедия, 1975. – Т. 20. – С. 219.

³ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. – Москва: Советская энциклопедия, 1986. – С. 1030.

⁴ Политология. Лексикон / под ред. А.И. Соловьева. – Москва: РОССПЭН, 2007. – С. 450.

нено 60 % норм, в которые допустимо внесение поправок), трансформацию политической системы вряд ли стоит признать радикальной, т.к. в основе своей она осталась прежней. Тем не менее, изменилась главная составляющая политической системы – российское государство, понимаемое в узком смысле слова не как страна, государственно-организованное общество, а как институт, механизм, аппарат. Все институты политической системы имеют то или иное правовое оформление. Не является исключением и государство (государство является не только субъектом, но и объектом правового регулирования), при этом правовое закрепление и регулирование характеристик государства осуществляются, прежде всего, на конституционном уровне – именно в конституциях государств конкретизируются общетеоретические положения о государстве и его формах применительно к конкретному государству [Подробнее см.: 7].

В ходе конституционной реформы 2020 г. претерпели изменение все составляющие формы российского государства, причем одни – в меньшей степени, а другие – в большей. Минимальные трансформации коснулись формы территориального устройства. Несмотря на то, что гл. 3 Конституции РФ оказалась самой востребованной для внесения поправок (изменено 60 % статей (9 из 15), глава дополнена тремя новыми статьями), конституционная модель российского федерализма не изменилась. Поправки, связанные с некоторым ограничением самостоятельности региональных властей, в частности упразднение конституционных (уставных) судов субъектов РФ, потенциальное включение Президента РФ в региональный законодательный процесс через полномочие по инициированию предварительного конституционного контроля в отношении законов субъектов РФ до их промульгации главой региона, лишение органов государственной власти субъектов РФ полномочия по согласованию кандидатуры регионального прокурора и некоторые другие, все-таки из сферы властвования, а не собственно федеративного устройства. Наиболее осязаемым изменением для федеративной организации стала возможность учреждения федеральных территорий. Данная поправка обоснованно породила ожидаемую дискуссию в отечественной науке [См., например: 8]. Изменения в модели местной публичной власти, местного самоуправления, местного государственного управления являются более существенными (в сравнении с моделью федеративной организации), однако также не радикальными [Подробнее см.: 9]. О конкретной разновидности политического (государственного) режима (а именно эта характеристика формы государства является ключевой в содержательном наполнении политической системы) вообще сложно судить исключительно по конституционному тексту (на уровне основного закона государства вряд ли будут закреплены положения, свидетельствующие, например, о недемократическом характере осуществления власти, авторитарном правлении). Однако в конституционных новеллах 2020 г. проблемные аспекты в рассматриваемом ключе просматриваются (не сложно догадаться, что речь идет об известной поправке, касающейся «обнуления» президентских сроков, в том же ряду – закрепление возможности освобождения от должности судей определенных уровней во внесудебном порядке, без предварительного судебного контроля и участия судейского сообщества, решением Совета Федерации Федерального Собрания РФ по представлению Президента РФ, а также некоторые другие новеллы).

Наибольшее количество трансформаций претерпела форма правления. Так, в системе взаимоотношений в треугольнике «Президент РФ – палаты Федерального Собрания РФ – Правительство РФ» произошли существенные изменения, прежде всего компетенционные, в том числе в части формирования Правительства РФ и его ответственности. Закрепленная Конституцией РФ 1993 г. форма правления российского государства изначально порождала дискуссии, которые были связаны в первую очередь с неопределенностью места Президента РФ в конституционной системе власти. Представляется, что в новой конституционной конфигурации дискуссия не только не прекратится, но и приобретет новые векторы и аспекты. Российская схема формы правления по-прежнему не укладывается в традиционные («классические») постулаты теории государства. Участие парламента (обеих палат Федерального Собрания РФ) в формировании всего состава Правительства РФ – бесспорный признак парламентской республики. Однако для формулирования вывода о конкретной разновидности республиканской формы правления такое участие нельзя рассматривать исключительно формально, вне системного толкования различных конституционных положений. Можно утверждать, что по измененной схеме формы правления Российская Федерация осталась смешанной республикой (несмотря на то, что чаще звучит (в том числе из уст главы государства) ее характеристика как президентской или даже «суперпрезидентской», «монархической» республики).

Председатель Правительства РФ и в новой конфигурации федеральной власти остается самостоятельной политической фигурой, получающей свой властный мандат на основе согласования воле главы государства и нижней палаты парламента (очевидно, формулы «назначается Президентом РФ с согласия Государственной Думы» и «назначается Президентом РФ после утверждения представленной им кандидатуры Государственной Думой» по своим правовым сути и последствиям являются идентичными), что закреплено в ч. 1 ст. 111 Конституции РФ.

В то же время существенно возросла роль Президента РФ в функционировании системы исполнительной власти, включая федеральное правительство: несмотря на то, что в формировании Правительства РФ Президент РФ связан усмотрением парламента (в форме утверждения Государственной Думой Федерального Собрания РФ представленных кандидатур Председателя Правительства РФ, заместителей Председателя Правительства РФ и большей части федеральных министров, а также проведения Советом Федерации Федерального Собрания РФ консультаций с Президентом РФ по кандидатурам руководителей федеральных органов исполнительной власти так называемого «силового» блока, что отражено в п. «д», «д-1» ст. 83, п. «к» ч. 1 ст. 102, п. «а», «а-1» ч. 1 ст. 103, ч. 1 ст. 111, ч. 2–3 ст. 112 Конституции РФ), именно он (глава государства) теперь осуществляет общее руководство осуществлением исполнительной власти в России и деятельностью Правительства РФ, тогда как Председатель Правительства РФ теперь не определяет основных направлений деятельности Правительства РФ (в настоящее время это является прерогативой главы государства), а лишь организует работу Правительства РФ, причем в соответствии не только с нормативными правовыми актами (в прежней редакции Конституции РФ в качестве оснований правительственного правотворчества значились лишь нормативные правовые акты, предусмотренные непосредственно в основном законе для реализации конституционных полномочий федеральной власти, т.е. в Конституции РФ, федеральные законы и нормативные указы Президента РФ), но и с ненормативными указами, распоряжениями и поручениями Президента РФ, оставаясь персонально ответственным перед главой государства за результаты деятельности Правительства РФ. При этом несоответствие актов Правительства РФ распоряжениям Президента РФ (а не только указам, как было в прежней редакции) стало дополнительным основанием для отмены первых (п. «б» ст. 83, ч. 1 ст. 110, ст. 113, ч. 1 и 3 ст. 115 Конституции РФ в новой редакции).

Несколько сокращены возможности Председателя Правительства РФ и в определении структуры федеральных органов исполнительной власти – соответствующие предложения (основанные на собственном видении) представляет на утверждение Президенту РФ лишь Председатель Правительства РФ, назначенный в процедуре формирования Правительства РФ после президентских выборов (т.е. после так называемого «джентльменского» сложения полномочий Правительства РФ перед вновь избранным Президентом РФ) либо после отставки Правительства РФ (равно как и отставки Председателя Правительства РФ) по собственной инициативе. Если же Председатель Правительства РФ меняется (освобождается от должности) по воле Президента РФ в период осуществления последним своих полномочий, то вновь назначенный Председатель Правительства РФ работает в сложившейся системе федеральной исполнительной власти, а свои предложения по структуре федеральных органов исполнительной власти главе государства не представляет (п. «б¹» ст. 83, ч. 1 ст. 112 Конституции РФ в новой редакции).

В рамках анализа институциональной организации государственной власти на федеральном уровне следует отметить еще одно дополнительное полномочие Президента РФ в системе взаимодействия с парламентом (в системе сдержек и противовесов). Так, новая редакция Конституции РФ (ч. 4 ст. 112) закрепляет отсутствовавшее прежде основание роспуска Государственной Думы Федерального Собрания РФ – если после трехкратного отклонения представленных Председателем Правительства РФ кандидатур членов Правительства РФ более трети должностей в составе высшего коллегиального органа исполнительной власти остаются вакантными (без учета должностей министров, которых назначает Президент РФ после консультаций с Советом Федерации Федерального Собрания РФ). Указанное полномочие вряд ли стоит причислять к разряду существенно усиливающих статус Президента РФ, т.к. оно полностью коррелирует с другими (изначально закрепленными в Конституции РФ 1993 г.) основаниями роспуска главой государства нижней палаты парламента, логично укладывается в систему сдержек и противовесов, поскольку основной целью имеет не расшатать устой парламентаризма и народно-

го представительства путем произвольного перераспределения полномочий в пользу Президента РФ, а преодолеть (смягчить) последствия возможного кризиса власти – все-таки любой государственный механизм не может эффективно функционировать в отсутствие полноценного правительства.

Таким образом, формально-юридические изменения основных характеристик формы российского государства в ходе конституционной реформы 2020 г. достаточно внушительны в текстуальном объеме (тем более при понимании реформы в широком смысле – с учетом принимаемых на основе и в развитие изменений собственно конституционного текста федеральных конституционных законов и федеральных законов «О Правительстве РФ», «О судебной системе РФ», «О Конституционном Суде РФ», «О Государственном совете РФ», «О прокуратуре РФ», «О федеральной территории Сириус» и др.). Вместе с тем содержательно сложившуюся к моменту реформы российскую политическую систему вообще и ее главную составляющую – государство – они все же не изменили. Главным в понимании политико-правовой сущности государства является не конституционное закрепление тех или иных характеристик государства, а реальные механизмы властвования, взаимодействия государства с обществом, гражданами. Одинаково эффективными (равно как и не эффективными, авторитарными) могут быть как федерации, так и унитарные государства, как республики, так и монархии. С одной стороны, государство может не провозглашать себя правовым или социальным, но фактически быть таковым (Финляндия, Швеция, Бельгия и др.). С другой стороны, государственность многих стран, на конституционном уровне продекларировавших себя в качестве правовых и социальных, на практике очень далека от таких конституционных деклараций (Армения, Беларусь, Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан, Россия (? – С.Н.) и др. Именно с таких позиций и следует оценивать политическую систему современной России.

Список литературы

1. Степанов И.М. Конституция и политика. – Москва: Наука, 1984. – 173 с.
2. Конституционное право и политика: сборник материалов международной научной конференции (28–30 марта) / отв. ред. С.А. Авакьян. – Москва: Юрист, 2012. – 800 с.
3. Шульженко Ю.Л., Славин М.М., Данилевская И.Л., Дзарасов М.Э., Лебедев А.И., Некрасов С.И., Чехарина В.И., Шмавонян Г.А. Советский государственный строй: реалии, проекты, идеи, споры (1917–1940 гг.): монография / под общ. ред. Ю.Л. Шульженко. – Москва: Институт государства и права РАН, 2010. – 544 с.
4. Шульженко Ю.Л., Данилевская И.Л., Дзарасов М.Э. Советский государственный строй: реалии, проекты, идеи, споры (1945–1985 гг.): монография / под общ. ред. Ю.Л. Шульженко. – Москва: Институт государства и права РАН, 2012. – 633 с.
5. Шульженко Ю.Л., Лебедев А.Н., Гошуляк В.В., Некрасов С.И. Советский государственный строй периода перестройки (1985–1991 гг.): монография / отв. ред. Ю.Л. Шульженко. – Москва: Юрлитинформ, 2015. – 344 с.
6. Двадцать лет Конституции Российской Федерации: монография / отв. ред. А.Г. Лисицын-Светланов. – Москва: Норма, 2013. – 256 с.
7. Шустров Д.Г. Прирученный Левиафан: государство как объект конституционно-правового регулирования. – Санкт-Петербург: Алет Пресс, 2014. – 434 с.
8. Дементьев А.Н. Федеральная территория «Сириус», город «Иннополис» – административно-территориальные и муниципальные единицы, географические объекты? // Гражданин и право. – 2021. – № 3. – С. 77–86.
9. Некрасов С.И. Территориальная основа местной публичной власти в Российской Федерации (некоторые заметки в контексте конституционной реформы) // Градостроительное право. – 2020. – № 3. – С. 44–48.

References

1. Stepanov I.M. Konstituciya i politika. – Moskva: Nauka, 1984. – 173 s.
2. Konstitucionnoe pravo i politika: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (28–30 marta) / отв. red. S.A. Avak'yan. – Moskva: Yurist, 2012. – 800 s.

3. *Shul'zhenko Yu.L., Slavin M.M., Danilevskaya I.L., Dzarasov M.E., Lebedev A.I., Nekrasov S.I., Chekharina V.I., Shmavonyan G.A.* Sovetskij gosudarstvennyj stroj: realii, proekty, idei, spory (1917–1940 gg.): monografiya / pod obshch. red. Yu.L. Shul'zhenko. – Moskva: Institut gosudarstva i prava RAN, 2010. – 544 s.
4. *Shul'zhenko Yu.L., Danilevskaya I.L., Dzarasov M.E.* Sovetskij gosudarstvennyj stroj: realii, proekty, idei, spory (1945–1985 gg.): monografiya / pod obshch. red. Yu.L. Shul'zhenko. – Moskva: Institut gosudarstva i prava RAN, 2012. – 633 s.
5. *Shul'zhenko Yu.L., Lebedev A.N., Goshulyak V.V., Nekrasov S.I.* Sovetskij gosudarstvennyj stroj perioda perestrojki (1985–1991 gg.): monografiya / otv. red. Yu.L. Shul'zhenko. – Moskva: Yurlitinform, 2015. – 344 s.
6. *Dvadcat' let Konstitucii Rossijskoj Federacii*: monografiya / otv. red. A.G. Lisicyn-Svetlanov. – Moskva: Norma, 2013. – 256 s.
7. *Shustrov D.G.* Priruchennyj Leviafan: gosudarstvo kak ob'ekt konstitucionno-pravovogo regulirovaniya. – Sankt-Peterburg: Alef Press, 2014. – 434 s.
8. *Dement'ev A.N.* Federal'naya territoriya “Sirius”, gorod “Innopolis” – administrativno-territorial'nye i municipal'nye edinicy, geograficheskie ob'ekty? // *Grazhdanin i pravo*. – 2021. – № 3. – S. 77–86.
9. *Nekrasov S.I.* Territorial'naya osnova mestnoj publichnoj vlasti v Rossijskoj Federacii (nekotorye zametki v kontekste konstitucionnoj reformy) // *Gradostroitel'noe pravo*. – 2020. – № 3. – S. 44–48.

УДК 342.4

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА»**Шульженко Юрий Леонидович¹,***д-р юрид. наук, профессор,**e-mail: constitution@igpran.ru,*¹*Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия*

Интерес и актуальность приведенной проблематики обусловлены постоянным процессом усиления политизации общества, широкого вовлечения в него населения. В центре внимания здесь оказывается политическая система, в которой исходным для ее понимания, характеристики является ее определение, понятие. В связи с этим основная цель исследования – определение политической системы, а также характеристика конституционного регулирования ее вопросов. Заметим, что весьма сложно предложить одно универсальное определение. Это связано с многосторонностью, многоаспектностью политической системы той или иной конкретной страны. Представляется, что в основе ее определения лежит политика, а ее компонентами являются определенные институты. Приводятся два их вида: структурные и регулятивные. Исходя из этого, предлагается и определение политической системы как совокупности разнообразных и вместе с тем диалектически связанных структурных и регулятивных институтов, посредством которых осуществляется власть в государстве. В работе используются преимущественно три основных научных метода исследования: догматический, исторический, сравнительный.

Ключевые слова: государство, коммунистическая партия, конституция, политика, политическая система, политология, поправки к конституции, право

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF "POLITICAL SYSTEM"**Schulzhenko Yu.L.¹,***Doctor of Legal Science, Professor,**e-mail: constitution@igpran.ru,*¹*Institute of State Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

The interest and relevance of this problem is due to the constant increase in the strengthening of the politicization of society, the broad involvement of the population in it. The focus here is on the political system, where the initial understanding, characteristics for it is its definition, concept. In this regard, the main purpose of the report is an attempt to develop such a definition, as well as a description of the constitutional regulation of issues of the political system. It shall be noted that it is very difficult to offer one universal such here. This is due to the versatility, the multidimensional nature of the political system of a particular country. In our opinion, the axes of its definition are based on politics, that it is defined by certain institutions. Two types are named: structural and regulatory. Hence, the definition of a political system is proposed – a set of diverse and at the same time dynamically connected structural and regulatory institutions through which power is exercised in the state. First of all, three main research methods were used: dogmatic, historical and comparative.

Keywords: state, communist party, constitution, politics, political system, political science, constitutional amendments, law

DOI 10.21777/2587-9472-2022-3-24-30

Интерес во всем мире к приведенной в статье проблематике обусловлен преимущественно фактически уже долгие годы нескончаемым процессом постоянного усиления политизации общественной жизни, широким вовлечением в него, интересом населения. Такое явление следует характеризовать и как одно из важнейших условий совершенствования демократии – одного из факторов обще-

ственного прогресса. Центральное место здесь по праву занимает проблематика политической системы с ее различными составляющими, которая является своего рода механизмом развития общества.

Ключевым, основополагающим, отправным является термин «политика», который в переводе с греческого означает государственные или общественные дела. Наиболее удачный подход к определению сущности политики, с нашей точки зрения, – марксистско-ленинский. В связи с этим укажем на ряд ключевых позиций в данной области В.И. Ленина, который характеризовал политику как область взаимоотношений классов по осуществлению государственной власти, «область отношений всех классов и слоев к государству и правительству»¹. Особо подчеркивалось, что политика – это «участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства». Главное в политике – «устройство государственной власти», а «политика – концентрированное выражение экономики». На основе приведенных положений политику кратко можно определить как деятельность по осуществлению государственной власти. Данные позиции лежат в основе и определения понятия «политическая система». При этом необходимо в обязательном порядке учитывать то, что сложность, многогранность политической системы каждой конкретной страны приводят к такой ситуации, когда ее понятие не исчерпывается лишь одним определением. Здесь необходимы их совокупность, разноаспектность.

Разработка данной проблематики базируется, в первую очередь, на общей теории систем, возникшей на Западе в первые десятилетия прошлого века. Однако она была весьма абстрактной, рассчитанной, прежде всего, на потребности естествознания, однако позднее распространилась и на иные отрасли науки. Вместе с тем в отечественной научной литературе указывалось на то, что такая общая теория систем не обеспечивала методологическую основу для изучения, всестороннего анализа различного рода всех социальных систем, в том числе и политической. В связи с этим вполне обоснованно подчеркнуто, что системный подход к анализу общества впервые в истории применили К. Маркс и Ф. Энгельс. Их методология анализа политической системы исходила из того, что она представляет собой особое явление. Ими была дана характеристика составных частей политической системы буржуазного общества того времени, указаны основы будущей политической системы социалистического общества, коммунистического самоуправления. Указывалось на то, что экономический базис обуславливает политический строй общества.

Идеи К. Маркса, Ф. Энгельса развил и приумножил В.И. Ленин. Особо отметим здесь его характеристику политической системы стран периода империализма, места и роли ее основных институтов, его учение о системе диктатуры пролетариата, посредством которой рабочий класс осуществляет политическую власть, развитие взглядов на социализм основоположников марксизма, его политическую систему. Значительный вклад в теорию политической системы внесли Коммунистическая партия Советского Союза и коммунистические партии иных стран социализма. В частности, ими были приведены характеристика возникновения и развития общенародного социалистического государства, рассмотрены различные формы перехода стран к социализму, описаны государственно-монополистический капитализм и крушение колониальной системы.

Приведенные вопросы в той или иной степени анализировались и в отечественной науке, однако наиболее продуктивными стали 60–80-е гг. XX в. Проведенные в этот период исследования существенно расширили представление о политической системе, дифференциации, интеграции политической жизни общества, прежде всего в Советском Союзе, месте и роли в данной области ее политической системы, институтов, их реального практического функционирования. В меньшей степени, как отмечалось в отечественной научной литературе того времени, уделялось внимание вопросам целостности организационной структуры политической системы советского общества, закономерностям ее развития.

Важными показателями являются подготовка и выпуск значительного количества фундаментальных монографий, статей по данной проблематике [1–3].

Следует подчеркнуть и то, что это был период возникновения, становления особой, самостоятельной советской политической науки – политологии. Имели место такие два подхода к ее основе, базе, как научный коммунизм и государственно-правовая наука. По этому поводу велось много спо-

¹ Сущность политики (В.И. Ленин). – URL: <http://www.leninvi.com/t06/p078> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст: электронный.

ров, которые бывали порой весьма острыми. В настоящее время представляется, что во многом они были надуманными, пропагандистскими, театральными. С нашей точки зрения, основными были обе эти научные, учебные дисциплины. Однако на практике главенствующую роль играла государственно-правовая наука, прежде всего в лице Института государства и права Академии наук СССР. В это время создается Ассоциация политических наук страны, которую долгие годы возглавлял государственный и партийный деятель, известный ученый Г.Х. Шахназаров. Немаловажное значение имело и проведение в 1979 г. в г. Москве Всемирного конгресса политических наук, в котором приняли участие около 5 тыс. ученых со всего мира. Основная роль в его организации и проведении была возложена на Институт государства и права Академии наук СССР.

Исходной для всех являлась позиция, согласно которой в основе политической системы любой страны лежат политика, политические отношения. Подавляющее большинство придерживалось и позиции о том, что компонентами политической системы являются определенные институты. В 1975 г. нами были выделены два основных вида таких институтов: во-первых, структурные – государство, партии, иные добровольные объединения граждан, органы самоуправления; во-вторых, регулятивные (институты регуляторов) – право, партийные нормы, нормы добровольных объединений граждан, органов самоуправления, нормы морали, нравственности, обычаи [4, с. 5–6]. Соответственно, предлагается и наиболее краткое определение политической системы как совокупности разнообразных и вместе с тем диалектически связанных структурных и регулятивных институтов, посредством которых осуществляется власть в государстве, обществе.

Далее мы исходили из того, что политическая система, несмотря на ее целостность, состоит из различных систем более низкого уровня, подсистем. К таковым относятся, например, государственная, партийная, правовая системы. В научной литературе отмечается, что политическая система включает компоненты различного профиля, к которым относятся не только выделенные нами структурные и регулятивные институты, но и те из них, которые имеют характер отношений и процессов. Особого внимания в связи с этим заслуживают подходы, в соответствии с которыми выделяют самые различные стороны политической системы, например институциональную (организации, учреждения), регулятивную (нормы), функциональную (функции, политический процесс, политический режим), идеологическую (взгляды), коммуникативную (объединяющие связи).

Многосторонность, многоаспектность, сложность политической системы той или иной страны не дают возможности выработки одного, единого исчерпывающего ее определения. Отсюда, в частности, имеют место и иные подходы отечественных ученых к понятию «политическая система».

Рассмотрим, как определяли понятие «политическая система» ученые советского периода. Так, согласно Д.А. Керимову, политическая система – это такая категория, «включающая в себя не только организационное строение политических учреждений, но и их функционирование, политические взгляды, сознание и мировоззрение, политическую культуру, установки и цели – одним словом весь режим политической жизни в динамике» [5, с. 68]. По мнению И.П. Ильинского, под ней следует понимать «сложный комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих средств организации и функционирования политической власти, осуществления политического руководства и управления социалистическим обществом» [6, с. 5–12]. Согласно Ю.А. Тихомирову, «советскую политическую систему можно определить как механизм интегрированного выражения политики и власти, обеспечивающий управление и регулирование общественно политической жизни советского общества, его единства» [7, с. 4]. О.Е. Кутафин придерживается той точки зрения, что «согласно Конституции СССР (гл. 1) советская политическая система на этапе развитого социализма представляет собой взаимосвязанную совокупность организационных форм руководимой КПСС деятельности всего советского народа, составляющих его классов и социальных слоев, наций и народностей, посредством которых советский народ осуществляет свое полновластие»².

Приведем современные отечественные понятия. По мнению А.В. Малько, «политическая система общества – это упорядоченная на основе права и иных социальных норм совокупность институтов (государственных органов, политических партий, движений, общественных организаций и т.п.), в рамках

² Советское государственное право / под ред. С.С. Кравчука. – 2-е изд. – Москва, 1985. – С. 81.

которой проходит политическая жизнь общества и осуществляется политическая власть»³. С.А. Авакьян полагает, что политическая система – это «характер организации власти в соответствующем обществе и государстве, система ее институтов, соотношение государственных и общественных начал в управлении публичными делами, положение личности, реальный политический режим»⁴. Согласно В.В. Лазареву, «политическую систему общества образуют многообразные организации, институты, учреждения борьбы за власть, за ее удержание, использование, организацию и функционирование»⁵.

Заслуживают внимания и определения, представленные в прошлом учеными бывших зарубежных социалистических стран. Так, А. Лопатка (Польская Народная Республика) указывает на то, что политическая система включает три элемента: идеи и политические ценности (например, идеи народовластия, общественного прогресса); организации и институты; нормы, регулирующие претворение в жизнь идей и деятельность институтов [8, с. 136]. К. Луге, Р. Манд (Германская Демократическая Республика) отмечают, что в условиях социализма политическая система включает организации, политические отношения, демократию, право, общественные нормы [9, с. 233]. К. Кулчар (Вергерская Народная Республика) говорит о двух уровнях политической системы: государственном и уровне общества [10, с. 34].

В иных государствах, где не используется марксистско-ленинский подход к политической системе, прежде всего отказ от ее классового характера, в основу заложены различные понимания политики, которые во многом носят весьма абстрактный характер. Так, например, в США многие придерживаются определения политики как совокупности решений, принимаемых политическим деятелем или группой, относящихся к выбору целей и методов их достижения в условиях той или иной ситуации. Англичане П. Джилл, Г. Понтон указывают на три стороны политики: во-первых, способ понимания людьми социальных вопросов, распоряжения ими, особенно в условиях ограниченных ресурсов; во-вторых, принципы, на которых это основывается; в-третьих, средства, используя которые лицо или группа лиц получают, удерживают больший контроль по сравнению с другими над конкретной ситуацией [11, с. 5–6].

Есть и индивидуальные подходы. Так, француз А. Ориу в основу своего подхода ставит связь политики с поведением человека, живущим в обществе [12, с. 7]. Американец Г. Лассвел говорит, что главное в политике – распределение ценностей среди людей, в первую очередь власти, богатства, образования [13]. Имеет место и групповой подход. Например, итальянец Д. Сартори указывает на то, что политика выросла из групповых интересов [14, с. 9].

Такое разнообразие подходов, определений политики привело и к наличию множества подходов, трактовок политической системы. Одни представляют ее как политический процесс, политическое поведение в рамках тех или иных общностей (государство, фирмы, профсоюзы и т.д.). Другие же говорят о постоянном стремлении политической системы к сохранению равновесия, урегулированию конфликтов между людьми, в связи с чем устанавливают прямые и обратные связи системы с ее социальным окружением.

Есть определения, трактующие политическую систему как государство (М. Вебер), совокупность лиц в различных ролях (Т. Персонс), совокупность структур, процедур, институтов (Г. Робертс), арену бизнеса политики (Р.Т. Кларк), политическую жизнь и систему поведения, когда данная система осуществляет властное распределение ценностей (Д. Истон), разнообразие политических сил и их взаимодействие (Д.Г. Лавров), «выход», результат процесса политики (К. фон Бойме), поступление информации, прямую и обратную связь, выход решений системы и т.д. (кибернетический подход) (К. Дойч), политические институты, экономическую структуру, уровень развития, идеологию, систему ценностей, культурные традиции, совокупность чего формирует политическую систему каждой страны (М. Дюверже). Некоторые ученые вообще предлагают отказаться от определения политической системы, указывая на то, что она – не реальная сущность, а концептуальная, что представляет собой лишь абстракцию (П. Кальверт, Р. Даль).

Рассмотрим соотношение понятия «политическая система» с иными терминами. От политического строя ее отличает то, что она акцентирована на управленческий характер. По сравнению с политиче-

³ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. – Москва, 2001. – С. 96.

⁴ Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. ред. и рук. авт. колл. С.А. Авакьян. – Москва, 2001. – С. 426.

⁵ Теория государства и права / под ред. В.Я. Кикотя, В.В. Лазарева. – 3-е изд. – Москва, 2008. – С. 88.

ской организацией общества политическая система включает не только элементы институционально-организационного плана. В отличие от механизма диктатуры того или иного класса, политическая система носит характер не только единства, но и внутренних противоречий, например могут одновременно действовать партии эксплуататоров и трудящихся. Пределами, границами политической системы являются: верхняя – в условиях отдельно взятой страны – политическая система общества; нижняя – индивидуум, человек, имеющий политический статус, т.е. обладающий политическими правами и обязанностями.

Интересным представляется вопрос закрепления понятия «политическая система» в основных законах государств, т.е. их конституционное регулирование. Данное понятие встречается в конституциях ряда бывших социалистических стран. Впервые в Основном законе Народной Республики Болгария 1971 г. в ст. 5 были установлены принципы политической системы. В качестве таковых были названы народный суверенитет, единство власти, демократический централизм, социалистический демократизм, законность и социалистический интернационализм.

Широко, объемно раскрыт данный вопрос в Конституции СССР 1977 г. Раздел 1 «Основы общественного строя и политики СССР» (обратим внимание на включение понятия «политика») начинается с гл. 1 «Политическая система», состоящей из 9 статей. Особо отметим то, что здесь речь идет исключительно об основах политической системы. Об этом свидетельствуют отсутствие полного перечня всех ее институтов, незавершенное определение сущности, содержания демократии. В этом виделась возможность постоянного совершенствования советской политической системы, развития демократии. Прежде всего, закреплены место и роль основных структурных институтов политической системы СССР: государства, Коммунистической партии Советского Союза, профсоюзов, комсомола, кооперативных и иных общественных организаций, института регулятора – права.

Коммунистическая партия Советского Союза определялась как руководящая и направляющая сила советского общества, ядро его политической системы, всех государственных, общественных организаций. Выражением этого является определение ей важнейших, генеральных направлений, перспектив развития советского общества, конкретных задач внутренней и внешней политики государства. Фактически в качестве единственной, господствующей определена марксистско-ленинская идеология, а также установлена социально-классовая сущность советского государства как общенародного. Оно является приемником государства диктатуры пролетариата. В Преамбуле Конституции СССР 1977 г. общенародное государство характеризуется как основное орудие защиты революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма в стране. Четко провозглашен тезис о всевластии народа, который осуществляет ее через Советы народных депутатов – политическую основу СССР. Определено еще одно звено советской политической системы – профсоюзы, комсомол, кооперативные и иные общественные организации. Исходя из целей социалистического, коммунистического строительства, они являются важным фактором развития политической активности, самодеятельности населения, удовлетворения его разнообразных интересов. На основе своих уставных задач они принимают активное участие в деле управления государственными, общественными делами, а также в решении социально-экономических, политических задач.

Обратим внимание на то, что в Основном законе СССР 1977 г. дана характеристика места и роли трудового коллектива в качестве элемента в политической системе страны. Он трактовался в качестве отражения экономической, политической, духовной жизни общества, основной его ячейки. Его можно характеризовать и как низовой, комплексный институт политической системы, в котором представлены все ее основные элементы. Это, прежде всего, государственная администрация. На базе трудового коллектива создавались первичные организации Коммунистической партии Советского Союза, Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи, профсоюзов, других массовых общественных организаций, органы общественной самодеятельности. Конституция СССР 1977 г. делает акцент на широкое участие трудовых коллективов в общественно-политических отношениях, обсуждении и конкретном решении государственных общественных дел. Немаловажен и тот факт, что конституционно определены конкретные формы участия трудовых коллективов в деле выполнения государственных задач.

Конституционно закреплена и ряд вопросов, касающихся такого института и регулятора политической системы, как право. Прежде всего, названа одна из важнейших характеристик ее качества – законность. Установлено, что советское государство, его органы функционируют на основе законности.

Следовательно, подразумеваются полное соответствие правовых актов целям государства, общества, внутренняя согласованность актов, издание их в соответствии с законами, в первую очередь с Конституцией СССР. Это означает и обязанность строгого соблюдения Основного закона СССР, иных законов государственными, общественными организациями, должностными лицами и всеми гражданами. Важно здесь и конституционное положение о том, что организации Коммунистической партии Советского Союза обязаны действовать в рамках Конституции СССР. Указаны и основные направления развития политической системы Советского Союза, большинство из которых носили ярко выраженный демократический характер, среди которых, например, более широкое, активное участие народа в управлении делами общества, государства, расширение гласности, постоянный учет общественного мнения.

Следующей была Конституция Социалистической Республики Вьетнам 1980 г., которая многое заимствовала по обозначенной проблематике из Конституции СССР 1977 г.: выделение специальной главы о политической системе, закрепление места и роли основных институтов политической системы страны – государства, Коммунистической партии Вьетнама, общественных организаций, права, коллективов трудящихся. Однако имели место и новые решения, связанные, главным образом, с отражением в Основном законе специфики Вьетнама. Так, это относится к закреплению места и роли Отечественного фронта Вьетнама, наличия в стране иных партий кроме Коммунистической партии Вьетнама, т.е. многопартийности.

С чем это связано? Ответ был во многом дан ранее. Прежде всего, это связано с повышением роли политических отношений, политики в жизни советского общества. Обратим внимание и на то, что одним из важнейших отличий социалистических конституций от конституций буржуазного типа называлось то, что социалистические регулируют, закрепляют более широкий круг общественных отношений, прежде всего политических. Именно тогда, с еще большей силой зазвучал тезис о том, что социалистическая конституция – это не только главный правовой акт социалистического государства, но и, в первую очередь, главный его политический акт.

В настоящее время понятие, термин «политическая система» в конституциях не используется, не встречается. Нет и такого значительного объема регулирования вопросов политической системы, ее институтов, как в конституциях в прошлом, в бывших, прежде всего в европейских, странах социализма. Статус некоторых институтов политической системы, главным образом государства, сегодня закреплён, как правило, в первых разделах, главах Основных законов государств, которые носят различные названия. Например, «Основы конституционного строя» (Россия), «О суверенитете» (Франция), «Вводный раздел» (Испания), «Общие положения» (Китай), «Вводная часть», гл. X «Верховный закон» (Япония), «Основные принципы (Преамбула)» (Бразилия), «Основы общественного устройства» (Чили).

В будущем можно ожидать в конституционном плане более пристального внимания к политической системе, использования Конституции СССР 1977 г. Причина этого кроется во все том же повышении роли политических отношений в жизни современного российского общества, его политизации, политизации его населения. Практическим свидетельством этого являются поправки к Конституции РФ 2020 г., многие из которых носят ярко выраженный политический, историко-политический характер. Следующим конкретным шагом, отражающим в первую очередь реальную ситуацию в стране, может стать, например, закрепление в Основном законе страны наличия многопартийности в России, определения роли и места партий, вопросов, связанных с государственной идеологией.

Список литературы

1. Тихомиров Ю.А., Чиркин В.Е. Основы теории политической системы. – Москва: Наука, 1985. – 248 с.
2. Васильев А.М. Политическая система развитого социалистического общества. – Москва: Наука, 1984. – 271 с.
3. Энтин Л.М. Политические системы развивающихся стран: государство и политические партии в странах Африки и Азии. – Москва: Международные отношения, 1978. – 262 с.
4. Шульженко Ю.Л. Польская объединенная рабочая партия и государство в политической системе ПНР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Москва, 1975. – 21 с.
5. Керимов Д.А. Конституция СССР и развитие политико-правовой теории. – Москва: Мысль, 1979. – 244 с.

6. Ильинский И.П. Политическая организация социалистического общества. – Москва: Международные отношения, 1976. – 255 с.
7. Тихомиров Ю.А. Субъекты советской политической системы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1981. – № 5. – С. 3–12.
8. Политические науки в Польше / ред. совет: А. Лопатка [и др.]. – Варшава: Гос. науч. изд-во, 1979. – 473 с.
9. Luge C., Mand R. Politische system der sozialismus, recht, demokratia, gesellschaft organizationen // Staat und Recht. – 1979. – No. 3.
10. Kulcar K. Politics and political system // Some Issues of the Political System in Hungary. – Вр., 1979.
11. Ponton G., Gill P. Introduction to politics. – Oxford, 1982.
12. Haurion A. Droit constitutionnelle institutions politiques. – 1972. – 621 p.
13. Lasswell H., Kaplan A. Politics: who gets what, when and how. – New York, 1958.
14. Sartori G. La politica: logica e metoda in scienzesociali. – Milano, 1979. – 321 p.

References

1. Tihomirov Yu.A., Chirkin V.E. Osnovy teorii politicheskoy sistemy. – Moskva: Nauka, 1985. – 248 s.
2. Vasil'ev A.M. Politicheskaya sistema razvitogo socialisticheskogo obshchestva. – Moskva: Nauka, 1984. – 271 s.
3. Entin L.M. Politicheskie sistemy razvivayushchihsya stran: gosudarstvo i politicheskie partii v stranah Afriki i Azii. – Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1978. – 262 s.
4. Shul'zhenko Yu.L. Pol'skaya ob'edinennaya rabochaya partiya i gosudarstvo v politicheskoy sisteme PNR: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.02. – Moskva, 1975. – 21 s.
5. Kerimov D.A. Konstituciya SSSR i razvitie politiko-pravovoj teorii. – Moskva: Mysl', 1979. – 244 s.
6. Il'inskiy I.P. Politicheskaya organizaciya socialisticheskogo obshchestva. – Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1976. – 255 s.
7. Tihomirov Yu.A. Sub'ekty sovetskoj politicheskoy sistemy // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. – 1981. – № 5. – С. 3–12.
8. Политические науки в Пол'ше / ред. совет: А. Лопатка [и др.]. – Варшава: Гос. науч. изд-во, 1979. – 473 с.
9. Luge C., Mand R. Politische system der sozialismus, recht, demokratia, gesellschaft organizationen // Staat und Recht. – 1979. – No. 3.
10. Kulcar K. Politics and political system // Some Issues of the Political System in Hungary. – Вр., 1979.
11. Ponton G., Gill P. Introduction to politics. – Oxford, 1982.
12. Haurion A. Droit constitutionnelle institutions politiques. – 1972. – 621 p.
13. Lasswell H., Kaplan A. Politics: who gets what, when and how. – New York, 1958.
14. Sartori G. La politica: logica e metoda in scienzesociali. – Milano, 1979. – 321 p.

УДК 347.78

ЦИФРОВОЕ И АНАЛОГОВОЕ АВТОРСКОЕ ПРАВО: РАЗЛИЧНЫ ЛИ ПРИНЦИПЫ?

Матвеев Антон Геннадьевич¹,

д-р юрид. наук, доцент,

e-mail: la-musica@yandex.ru,

¹Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

Авторское право основано на определенных принципах (фундаментальных идеях). Дискуссионным является вопрос об актуальности принципов аналогового авторского права в цифровой среде. Цели работы – выявление и концептуальный анализ принципов авторского права аналоговой и цифровой эпохи. Рассматриваются пять принципов: принцип охраны формы произведения; принцип автоматической охраны авторских прав; принцип «автор – физическое лицо, создавшее произведение»; принцип признания неотчуждаемых личных прав автора; принцип закрытого перечня случаев свободного использования произведения. Формулируется вывод о том, что для цифрового и аналогового авторского права примененные принципы являются одинаковыми. В то же время внутри каждого из принципов в цифровую эпоху постепенно назревают специфические трансформации. Например, в настоящее время принцип автоматической охраны авторских прав представляется неактуальным и неэффективным. В исследовании применены общенаучные, формально-логические методы познания.

Ключевые слова: авторское право, цифровые технологии, исключительное право, личные права автора, принципы права, автор, произведение

DIGITAL AND ANALOGUE COPYRIGHT LAW: ARE THE PRINCIPLES DIFFERENT?

Matvyev A.G.¹,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: la-musica@yandex.ru,

¹Perm State National Research University, Perm, Russia

Copyright law is based on certain principles (fundamental ideas). The issue on the relevance of the principles of analogue copyright law in the digital age is debatable. The purpose of this article is to identify and conceptualize the principles of copyright law in the analogue and digital eras. The author of the article analyzes five such principles: the principle of protection of a works form; the principle of automatic copyright protection; the principle “the author is a individual who created the work”; the principle of recognition of the inalienable moral rights of the author; the principle of a closed list of cases of free use of a work. It was concluded that these principles are the same for digital and analogue copyright. At the same time, specific transformations are gradually brewing within each of the principles in the digital age. For example, the principle of automatic copyright protection seems irrelevant and ineffective today. The study used general scientific, formal-logical methods of cognition.

Keywords: copyright law, digital technologies, exclusive right, author’s moral rights, principles of law, author, work

DOI 10.21777/2587-9472-2022-3-31-37

Проблематика адаптации авторского права к информационному обществу и цифровой среде начала обсуждаться в конце XX в. В целом, практически вся трехсотлетняя эволюция авторского права связана с его изменением с учетом появления новых видов произведений и способов их использования. На этом пути, пожалуй, самым существенным технологическим вызовом этому институту стала сеть Интернет. Никогда до рубежа XX–XXI вв. происходящие в авторском праве изменения не

называли «революцией», никогда не раздавалось столько голосов, призывающих существенно реформировать авторское право или даже отменить его.

Международное сообщество достаточно быстро и успешно среагировало на феноменальное распространение интернета в 90-е гг. XX в. В 1996 г. в Женеве были приняты два международных договора: Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) по авторскому праву¹ и Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам². Неформально эти акты стали называть «интернет-договорами ВОИС», поскольку в них закреплялось новое исключительное право, охватывающее использование произведений, исполнений и фонограмм в интернете и других компьютерных сетях (право на доведение до всеобщего сведения). В последующее десятилетие Европейский союз и практически все национальные правовые порядки признали это новое авторское правомочие. Соответственно, с «пиратской» идеей о том, что интернет должен быть свободен от авторского права, было покончено, и сохранила признание парадигма авторского права – установление исключительных прав на все способы использования произведения, имеющие экономическое значение.

Однако достигнутый консенсус относительно того, что авторское право должно действовать и в цифровой среде, оставил открытым следующий вопрос: сохраняют ли легитимность и должны ли применяться в цифровую эпоху классические принципы авторского права, которые можно также назвать «принципами аналогового авторского права»?

Цели исследования – выявление и концептуальный анализ принципов авторского права аналоговой и цифровой эпохи. Следует ответить на вопрос о том, действительно ли между цифровым и аналоговым авторским правом имеется столь значимая разница, о которой зачастую принято говорить в научно-популярной литературе и средствах массовой информации?

Прежде всего, необходимо сделать небольшое отступление и сказать, что российскими и зарубежными учеными сформулирована масса креативных идей и концепций по реформированию авторского права с учетом современных условий. Однако эти концепции практически не отражены в законодательстве и судебной практике. Следовательно, их обсуждение выходит за рамки настоящей статьи. Например, У. Патри предлагает отказаться от принципа исключительного права в цифровой среде [1, с. 177]. Несоответствие идеи исключительного права современным условиям ученый усматривает в большом числе несанкционированных использований произведений в цифровой среде и отсутствии эффективного механизма борьбы с такими нарушениями. Он предлагает заменить схему «авторское право = контроль = деньги» схемой «авторское право = компенсация» [Там же, с. 179]. Другими словами, исключительное право, позволяющее правообладателю разрешать или запрещать использование произведения в интернете, должно быть заменено правом на получение определенной компенсации.

Рассмотрим различие аналогового и цифрового авторского права через призму его принципов. Об отдельных концептах и законоположениях, характерных для авторского права цифровой эпохи, здесь речь не пойдет, поскольку соответствующий анализ выходит за рамки небольшой статьи.

Под принципами авторского права понимаются основные общие идеи авторского права, представляющие собой правила применения норм этого института и в концентрированном виде выражающие его смысл. Принцип права выступает как обобщение, «потому что он предполагает бесконечный ряд применений» [2, с. 169]. В российском и других континентальных правовых порядках принципы авторского права не выражены как нормы-принципы, поэтому выявление таких основополагающих идей в некотором смысле является субъективным мнением исследователя или судьи.

Представляется, что континентальное авторское право основано на пяти принципах.

1. Принцип охраны авторским правом формы произведения. Одной из самых известных идей авторского права является утверждение о том, что авторское право охраняет форму и не охраняет содержание произведения. Согласно ст. 2 Договора ВОИС по авторскому праву 1996 г. соответствующая охрана распространяется на форму выражения, а не на идеи, процессы, методы функционирования или математические концепции как таковые. Только этого одного примера достаточно, чтобы утверждать,

¹ Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву: [от 20 декабря 1996 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

² Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по исполнениям и фонограммам: [от 20 декабря 1996 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.02.2022). – Текст: электронный.

что и в цифровую эпоху принцип охраны формы произведения продолжает оставаться актуальным. От охраняемой формы произведения как совокупности его охраноспособных элементов следует отличать объективную форму произведения. В этом смысле цифровая форма произведения стала одним из способов объективации этого результата интеллектуальной деятельности.

Рассматриваемый принцип позволяет не монополизировать всеобщее достояние, обеспечивает изъятие из-под охраны рутинных, банальных объектов, которые могут быть созданы разными лицами независимо друг от друга, дает возможность третьим лицам создавать и использовать новые результаты интеллектуальной деятельности в рамках той же темы или идеи. Однако за витриной принципа охраны формы произведения в российской и зарубежной судебной практике скрывается любопытная тенденция серьезного снижения уровня требований к творческому характеру произведений. А.В. Кашанин абсолютно верно утверждает, что *«в отличие от зарубежных правовых порядков, использующих низкие стандарты охраноспособности, российскими судами не выработано эффективного инструментария, компенсирующего риски излишней охраны произведений, выражающейся в монополизации всеобщего достояния»* [3, с. 74].

2. Принцип автоматической охраны авторских прав. В 1908 г. этот принцип был закреплен в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г. (далее – Бернская конвенция)³. Через повышение роли Бернской конвенции в XX в. он постепенно стал приобретать глобальный характер. Обратной стороной принципа автоматической охраны авторских прав является высокая степень неопределенности, которая зачастую осложняет тем же авторам доказывание факта и момента создания произведения. Голоса юристов, призывающих вернуть в авторское право механизм формальностей (отметим, например, работу Л. Лессига) [4], представляются убедительными, тем более что в цифровой среде организовать такой механизм значительно проще и дешевле, чем в доцифровую эпоху. Тем не менее, законодатели всего мира, ссылаясь на Бернскую конвенцию, по-прежнему сохраняют приверженность идее возникновения авторских прав без соблюдения регистрации или иных формальностей.

3. Принцип «автор – физическое лицо, создавшее произведение. Согласно этому принципу, автором признается только физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение. Классическая идея, согласно которой субъектом, способным совершить акт художественного творчества, может быть только человек, нашла отражение в естественно-правовой максиме: первоначальным обладателем прав на произведение искусства должен быть только автор. Данная идея закреплена практически во всех законах об авторском праве государств, следующих континентальной традиции авторского права.

Изменившиеся парадигмы искусства и творчества, развитие технологии искусственного интеллекта стали двумя серьезными угрозами для рассматриваемого принципа и авторского права в целом. Так, британский фотограф Слейтер в 2011 г. изучал в Индонезии поведение обезьян. Одна из обезьян схватила его фотокамеру. В результате получилась серия снимков, из которых одно селфи получило всемирную известность. Фотограф предъявил иск к одному из интернет-ресурсов, использовавших это селфи без его согласия. Точкой в этом деле можно считать решение Апелляционного суда девятого округа США, принятое в апреле 2018 г., согласно которому обезьяны не могут являться субъектами авторского права⁴.

В настоящее время технологии искусственного интеллекта позволяют создавать без непосредственного контроля человеком тексты, изображения и музыку такого уровня, который не позволяет отличить их от объектов, создаваемых человеком или же человеком при помощи компьютера. Означает ли это, что искусственный интеллект признается или должен признаваться автором произведения? Пока что ни один закон в мире положительно не отвечает на первый из этих вопросов. На второй вопрос в доктрине высказано множество оригинальных точек зрения. Представляется, что если довод защиты инвестиций и создает почву для охраны результатов деятельности искусственного интеллекта, то устанавливать такую охрану нужно за рамками авторского права и на иных принципах.

³ Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений: [от 9 сентября 1886 г.] // Бюллетень международных договоров. – 2003. – № 9.

⁴ Monkey selfie' appellate ruling finds animals can't file copyright suits. – URL: <http://www.hollywoodreporter.com/business/business-news/monkey-selfie-appellate-ruling-finds-animals-cant-file-copyright-suits-1104929> (дата обращения: 01.08.2022). – Текст: электронный.

4. Принцип признания неотчуждаемых личных неимущественных прав автора. Личные неимущественные (моральные) права автора, отражающие социальную ценность авторства и творчества, по-прежнему закреплены в ст. 6bis Бернской конвенции и законах об авторском праве. Однако режим личных прав автора вступает в коллизию с постмодернистской парадигмой творчества, основанной на практиках цитирования, пародии, создания производных произведений, интертекстуальности и т.д. В результате споров, тем более интересных споров о защите этих прав, сегодня значительно меньше, чем в XX в. Сами авторы намного реже стали обращаться в суды с исками о защите своих личных прав.

Важнейшим и до сих пор самым спорным признаком личных прав автора является их неотчуждаемость, о чем свидетельствует глубокое исследование С.П. Ригамонти [5]. В континентальных правовых порядках этот патерналистский признак по-прежнему сохраняет свою силу, однако некоторые исключения и оговорки постепенно пробивают в нем брешь, что является обоснованным и соответствующим духу времени. Так, правомерной является сделка, когда автор дает согласие на то, чтобы при использовании произведения (например, в рекламе) его имя не указывалось. Что же касается права на неприкосновенность произведения, то согласие автора на изменение его произведения будет правомерным тогда, когда оно является конкретным и определенным. Когда в 2014 г. в Гражданский кодекс РФ были внесены поправки о свободных лицензиях, в ст. 1266, посвященную праву на неприкосновенность произведения, был включен п. 3, который еще более ослабил принцип неотчуждаемости личных прав: «В случаях, предусмотренных п. 5 ст. 1233 и п. 2 ст. 1286.1 настоящего Кодекса, автор может дать согласие на внесение в будущем изменений, сокращений и дополнений в свое произведение, на снабжение его при использовании иллюстрациями и пояснениями, если это вызвано необходимостью (исправление ошибок, уточнение или дополнение фактических сведений и т.п.), при условии, что этим не искажается замысел автора и не нарушается целостность восприятия произведения».

Еще одна уступка личных прав потребностям коммерческого оборота состоялась тогда, когда в судебной практике в качестве правильного было закреплено такое неоднозначное положение, согласно которому право на неприкосновенность произведения касается таких изменений, которые не связаны с созданием нового произведения на основе имеющегося (п. 87 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10)⁵. Иными словами, право на неприкосновенность произведения не может быть защищено, если произведение или его замысел искажается при переработке третьим лицом.

5. Принцип закрытого перечня случаев свободного использования произведения. Противоположные интересы правообладателей и публики призван гармонизировать институт ограничений исключительного авторского права. Эта мысль подтверждается многочисленными докладами и заявлениями:

– в Вашингтонской декларации об интеллектуальной собственности и общественном интересе утверждается, что ограничения и исключения представляют собой позитивные конструктивные доктрины, которые служат для обеспечения того, чтобы закон об интеллектуальной собственности выполнял свою конечную цель, заключающуюся в продвижении основных аспектов общественных интересов⁶;

– на международной конференции по интеллектуальной собственности и развитию, проходящей в 2016 г., М. Фичор верно заметил, что для сохранения или восстановления доверия к авторскому праву оно должно функционировать так, «как обещано». Иными словами, следует гарантировать достаточно широкий доступ к охраняемым произведениям, необходимый для достижения целей развития, а сбалансированные и должным образом определенные исключения из авторского права и его ограничения являются важным средством экономического, социального и культурного развития⁷;

– в Докладе Специального докладчика ООН в области культурных прав «Политика в области охраны авторских прав и право на науку и культуру» утверждается, что международные договоры в области авторского права *никогда не должны мешать государствам принимать исключения и ограничения*

⁵ О применении ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: [от 23 апреля 2019 г. № 10]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.02.2022). – Текст: электронный.

⁶ Washington declaration on intellectual property and the public interest. – URL: <http://www.infojustice.org/washington-declaration.html> (дата обращения: 01.08.2022). – Текст: электронный.

⁷ Доклад о международной конференции по интеллектуальной собственности и развитию. Всемирная организация интеллектуальной собственности (г. Женева, 2016). – URL: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/ru/cdip_18/cdip_18_3.pdf (дата обращения: 01.08.2022). – Текст: электронный.

для обеспечения (с учетом национальных обстоятельств) увязки механизма охраны авторских прав с правом на науку и культуру и другими правами человека (п. 95)⁸.

В настоящее время важнейшей основой большинства национальных систем ограничений исключительных авторских прав является так называемый трехступенчатый тест. Три правила, составляющие данную доктрину, были закреплены в ст. 9 Бернской конвенции еще в доцифровую эпоху и подтверждены в ст. 13 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС) 1994 г.⁹ и ст. 10 Договора ВОИС по авторскому праву 1996 г. в конце XX в. Согласно первому правилу трехступенчатого теста, ограничения исключительных прав допускаются только в определенных особых случаях. В соответствии со вторым правилом, ограничения не должны наносить ущерба нормальному использованию произведения. Наконец, они не должны ущемлять необоснованным образом законные интересы правообладателя.

В самом общем виде определенность случаев требует от законодателя четкости установления ограничений, а особенность – индивидуальности введения таковых. Однако даже это самое простое из правил трехступенчатого теста может быть истолковано двумя принципиально различными способами. Определенные особые случаи можно понимать ограничительно, т.е. как исключительные в своей области ситуации, которые являются в некотором смысле из ряда вон выходящими. Можно, напротив, прибегнуть к телеологическому толкованию и обусловить установление определенных особых случаев достижением конкретной цели того или иного государства [6].

Допускает ли телеологическое толкование выражения «определенных особых случаев» установление открытого перечня ограничений авторских прав? К. Гейгер дает на этот вопрос утвердительный ответ. Апеллируя к истории доктрины трехступенчатого теста в Бернской конвенции, он отмечает, что включенная в п. 2 ст. 9 Конвенции формулировка теста исходила от Великобритании, в законодательстве которой имеется ограничение исключительных прав в пользу добросовестной деятельности. Кроме того, США, являющиеся ведущей силой, проталкивавшей Соглашение ТРИПС 1994 г., вряд ли настаивали бы на таком положении, которое коренным образом расходилось с их правовой традицией [7].

В отличие от США, в континентальном авторском праве положения об ограничениях исключительных прав традиционно устанавливаются законом в виде закрытого перечня и не должны толковаться расширительно. Эти обстоятельства способствуют возникновению неизбежных коллизий между правовой определенностью и справедливостью в ситуациях, когда определенное не разрешенное правообладателем использование произведения с точки зрения авторского права представляет собой правонарушение, а с точки зрения прав человека – справедливый способ их осуществления. В этой связи актуален вопрос о том, обоснованно ли в современных условиях разрешить суду выходить за рамки установленных законом ограничений авторских прав и искать более гибкие решения обозначенной коллизии?

В целом, можно предложить два основных подхода к решению приведенной проблемы.

Первый подход (назовем его «консервативным») основан на том, что ограничения исключительных авторских прав представляют собой результат согласования интересов правообладателей и третьих лиц. Если необходимо установить дополнительную защиту прав человека и интересов общества, то это следует сделать через законодательную процедуру расширения случаев свободного использования произведений. В крайнем случае защита прав человека может использоваться судом при толковании норм о свободном использовании произведений. Однако сами права человека – это не единственный фактор, который должен приниматься во внимание. Преимущество этого подхода состоит в его формальности и определенности.

Согласно второму подходу (назовем его «либеральным»), перечень случаев свободного использования произведений следует дополнить гибким многоступенчатым тестом, который можно использовать, чтобы найти справедливый баланс в каждом конкретном деле. В качестве примера приведем мнение профессора К. Гейгера и Е. Изюменко, не предлагающих заимствовать американскую доктрину

⁸ Политика в области охраны авторских прав и право на науку и культуру: доклад Специального докладчика ООН в области культурных прав: [от 14 сентября 2014 г.]. – URL: <http://www.documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G14/249/53/PDF/G1424953.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.08.2022). – Текст: электронный.

⁹ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности: [от 15 апреля 1994 г.]. – URL: <http://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=311> (дата обращения: 01.08.2022). – Текст: электронный.

fair use и разработавших следующую систему критериев или факторов, которые должен взвесить и проанализировать суд, рассматривая сложное дело.

«1. Любое другое пропорциональное использование в целях свободы выражения мнений и информации разрешено. При определении того, является ли использование произведения в любом конкретном случае пропорциональным, необходимо учитывать следующие факторы:

- 1) характер использования, в том числе является ли такое использование коммерческим или преобразующим;
- 2) цель использования (в общих интересах или нет);
- 3) характер рассматриваемой информации;
- 4) степень вмешательства в имущественные интересы правообладателя, в том числе было ли выплачено справедливое вознаграждение;
- 5) наличие альтернативных способов доступа к информации; и любые другие факторы, которые могут иметь отношение к обстоятельствам дела.

2. При общей оценке учитываются все факторы. В случае 1.4) выплата справедливого вознаграждения после использования может восстановить его пропорциональность, когда в противном случае свобода выражения мнений и информации была бы неправомерно ограничена» [8].

Необходимо еще раз подчеркнуть, что консервативный подход отдает приоритет принципу правовой определенности над принципом справедливости, а либеральный – наоборот.

В заключение отметим, что в целом цифровое авторское право опирается на те же фундаментальные принципы, что и авторское право аналоговой эпохи. Несмотря на внешнюю неизменность таких принципов и их фиксацию в актах международного права, внутри каждого из них создают некоторые трансформации.

Принцип охраны формы произведения до сих пор формально признается, однако этому признанию в цифровую эпоху сопутствует серьезное снижение уровня требований к творческому характеру произведения, которое влечет монополизацию всеобщего достояния и столкновение исключительных прав на одинаковые произведения.

Принцип автоматической охраны авторских прав обеспечивается авторитетом Бернской конвенции. Однако в цифровую эпоху его действие связано с высокой степенью неопределенности относительно охраны конкретных произведений, поэтому в авторское право нужно вернуть принцип соблюдения формальностей.

Принцип «автор – физическое лицо, создавшее произведение» сохраняется в континентальном праве. Наибольшая угроза здесь исходит со стороны распространения технологий искусственного интеллекта. Оптимальное решение этой проблемы пока что не закреплено в международных договорах и национальных законах.

Принцип признания неотчуждаемых личных прав автора постепенно теряет свою значимость, несмотря на консервативность законов об авторском праве континентальных правовых систем.

Принцип закрытого перечня случаев свободного использования произведения испытывает давление не столько со стороны цифровой трансформации, сколько со стороны прав человека, защита которых зачастую вступает в противоречие с высокими стандартами охраны авторских прав.

Список литературы

1. *Patry W.* How to fix copyright. – New York: Oxford University Press, 2011. – 336 p.
2. *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права. – Москва: NOTA BENE, 2000. – 576 с.
3. *Кашанин А.В.* Актуальные требования к творческому характеру произведений в российской доктрине и судебной практике // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2016. – № 7. – С. 74–83.
4. *Lessig L.* Free culture: how big media uses technology and the law to lock down culture and control creativity. – New York: The Penguin Press, 2004. – 348 p.
5. *Rigamonti Cyrill P.* Deconstructing moral rights // *Harvard International Law Journal.* – 2006. – Vol. 47, No. 2. – P. 353–412.
6. *Gervais Daniel J.* Making copyright whole: a principled approach to copyright exceptions and limitations // *University of Ottawa Law & Technology Journal.* – 2008. – Vol. 5, No. 1&2.

7. *Gejger K.* Роль трехступенчатого теста в адаптации законодательства об авторском праве к информационному обществу // Бюллетень ЮНЕСКО по авторскому праву. – 2007. – Вып. 1. – С. 4–34.
8. *Geiger C., Izyumenko E.* Towards a European “fair use” grounded in freedom of expression // *American University International Law Review.* – 2019. – Vol. 35, No. 1. – P. 1–74.

References

1. *Patry W.* How to fix copyright. – New York: Oxford University Press, 2011. – 336 p.
2. *Berzhel' Zh.-L.* Obshchaya teoriya prava. – Moskva: NOTA BENE, 2000. – 576 s.
3. *Kashanin A.V.* Aktual'nye trebovaniya k tvorcheskomu harakteru proizvedenij v rossijskoj doktrine i sudebnoj praktike // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika.* – 2016. – № 7. – S. 74–83.
4. *Lessig L.* Free culture: how big media uses technology and the law to lock down culture and control creativity. – New York: The Penguin Press, 2004. – 348 p.
5. *Rigamonti Cyrill P.* Deconstructing moral rights // *Harvard International Law Journal.* – 2006. – Vol. 47, No. 2. – P. 353–412.
6. *Gervais Daniel J.* Making copyright whole: a principled approach to copyright exceptions and limitations // *University of Ottawa Law & Technology Journal.* – 2008. – Vol. 5, No. 1&2.
7. *Gejger K.* Rol' trekhstupenchatogo testa v adaptacii zakonodatel'stva ob avtorskom prave k informacionnomu obshchestvu // *Byulleten' YuNESKO po avtorskomu pravu.* – 2007. – Vyp. 1. – S. 4–34.
8. *Geiger C., Izyumenko E.* Towards a European “fair use” grounded in freedom of expression // *American University International Law Review.* – 2019. – Vol. 35, No. 1. – P. 1–74.

УДК 341.9

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Чернядьева Наталья Алексеевна¹,

д-р юрид. наук, доцент,

e-mail: chernyadnatalya@yandex.ru,

¹Российский государственный университет правосудия, Крымский филиал, г. Симферополь, Россия

Статья посвящена исследованию связи двух правовых наук – сравнительного правоведения и международного частного права. Показывается их системное взаимодействие. Пересечение данных наук наблюдается: в общей истории на начальном этапе их становления и развития; в использовании сравнительно-правового метода как одного из центральных методологических инструментов приспособления норм международного права для регулирования гражданско-правовых отношений с участием иностранного элемента; в активной роли норм международного публичного права по вопросам гражданско-правового сотрудничества государств в процессе унификации норм международного частного права; в случае судебного разбирательства спора с участием иностранного элемента и обращения суда к сравнительно-правовому методу как к инструменту, позволяющему правильно идентифицировать применяемые элементы зарубежного права. Вместе с тем международное частное право создает широкие возможности для сравнительно-правового анализа, поставляя исследователям «первичный материал» реальных жизненных ситуаций из различных правовых систем.

Ключевые слова: международное частное право, сравнительное правоведение, сравнительно-правовой метод, унификация, Венская конвенция 1980 г., ЮНСИТРАЛ, ИНКОТЕРМС

SOME ASPECTS OF COMPARATIVE LAW RESEARCH IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Cherniadeva N.A.¹,

Doctor of Legal Science, Associate Professor,

e-mail: chernyadnatalya@yandex.ru,

¹Russian State University of Justice, Crimean Branch, Simferopol, Russia

The article is devoted to the study of the connection between two legal sciences: comparative law and private international law. The author shows the systemic interaction of both sciences. Their intersection is observed: in the general history at the initial stage of their forming and development; in the use of the comparative legal method as one of the central methodological tools for adapting the norms of international law to regulate civil law relations with the participation of a foreign element; in the active role of the norms of international public law on the issues of civil law cooperation of states in the process of unification of the norms of PIL; in the case of litigation of a dispute involving a foreign element and the court resorts to the comparative legal method as a tool that allows correctly identifying the applicable elements of foreign law. On the other hand, PIL creates ample opportunities for comparative legal analysis, supplying researchers with "primary material" of real life situations from various legal systems.

Keywords: private international law, comparative law, comparative legal method, unification, Vienna Convention 1980, UNCITRAL, INCOTERMS

DOI 10.21777/2587-9472-2022-3-38-42

В первую очередь отметим, что международное частное право (далее – МЧП), по словам профессора Г.М. Вельяминова, полно парадоксов: «... МЧП по существу не "международное", а внутригосударственное, и в каждом государстве свое. Оно не только "частное", но в большой степени и публичное (например, в основном гл. 67 в разделе VI ГК РФ). Наконец, неоспорно теоретически даже и то, что это – самостоятельная отрасль права, а не всего лишь правовой институт!» [1, с. 134].

Для МЧП, как самостоятельного правового феномена, наука сравнительного правоведения имеет наибольшее значение по сравнению с иными отраслями и институтами права, теоретическими юридическими науками. Это обусловлено природой МЧП: его нормы подлежат применению в случае, когда участником гражданско-правового отношения является иностранное лицо либо гражданско-правовое отношение осложнено иным иностранным элементом, в том числе тогда, когда объект гражданских прав находится за границей (п. 1 ст. 1186 Гражданского кодекса РФ). Таким образом, в МЧП необходимо учитывать нормы нескольких правовых систем, правильно определять применимое право в каждом конкретном случае правоотношений с иностранным элементом. Все это возможно лишь с использованием сравнительно-правового метода. Кроме того, без знания специфики правовой системы и правовой семьи, к которой принадлежит право государства, любое использование сравнительно-правового метода, в том числе и в целях установления применимой нормы международного частного права, представляется научно некорректным.

Международное частное право можно лишь *условно* отнести к сфере международного права [2, с. 49]. При этом не подлежит сомнению, что в предмет МЧП входят общественные отношения, создаваемые в результате международного общения.

Нормы международного публичного права, разрабатываемые либо государствами, либо международными межправительственными организациями, играют весомую регулятивную роль в МЧП. Использование международно-правового материала в целях регулирования международных частных отношений не может осуществляться без применения сравнительно-правового метода, а также требует учета достижений науки сравнительного правоведения.

Одной из тенденций современного МЧП является *унификация материально-правовых и коллизионных норм*, осуществляемая по международно-правовым правилам как путем принятия конвенций, так и с помощью разработки и рекомендации для использования единообразных типовых правовых документов. Так, Верховный Суд РФ указал, что Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок 1999 г. применяется при всякой международной перевозке людей, багажа или груза, в том числе к договору международной перевозки, сторонами которого (грузоотправитель или пассажир и перевозчик) являются российские физические и юридические лица¹. Соответственно, межгосударственный договор, созданный для регулирования международных публичных отношений, создает основания для применения норм права не только в международном публичном праве, но и в МЧП [3, с. 99].

Исключительно важную роль в развитии права международной торговли играет Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., которая «регулирует как заключение договоров международной купли-продажи товаров, так и права, обязанности их участников. Конвенция содержит унифицированные материально-правовые нормы, которые замещают собой национальное законодательство. Например, в ФРГ Конвенция полностью заменила два закона – Единообразный закон о международной купле-продаже движимых вещей и Единообразный закон о заключении договоров о международной купле-продаже движимых вещей...» [4, с. 116].

Примеры создания норм МЧП международной межправительственной организацией можно найти:

– в деятельности ЮНСИТРАЛ (*United Nations Commission on International Trade Law – UNCITRAL*), которая является основным органом системы Организации Объединенных Наций, специализирующимся в проведении реформ в области коммерческого права с целью унификации и гармонизации предписаний международной коммерческой деятельности. Примером может служить Конвенция ООН об уступке дебиторской задолженности в международной торговле (г. Нью-Йорк, 2001 г.);

¹ О применении норм международного частного права судами Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: [от 9 июля 2019 г. № 24]. – URL: <http://www.vsrfr.ru/documents/own/28079> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст: электронный.

– в правовых документах Всемирной торговой организации (далее – ВТО). Такие документы признаются источником не только международного публичного права, но и МЧП. Примером является Соглашение о применении санитарных и фитосанитарных мер от 15 апреля 1994 г., которое устанавливает основные правила безопасности пищевых продуктов, стандарты здоровья животных и растений, обязательные для соблюдения всеми государствами-членами ВТО.

Важную роль в международном торговом обороте играют ИНКОТЕРМС – правила, представляющие внешнеторговые термины, отражающие сложившуюся в мире коммерческую практику. Первая редакция ИНКОТЕРМС предложена Международной торговой палатой (*International Chamber of Commerce – ICC*) еще в 1936 г., а затем она подвергалась изменениям и правкам. С 1 января 2020 г. вступил в силу ИНКОТЕРМС-2020, однако использование старых редакций также продолжает быть возможным. Унифицированное торговое право замещает национальные комплексы МЧП единообразными нормами, устраняет многие противоречия и стабилизирует правовое регулирование [5, с. 160]. Излишним для практикующего юриста становится и отыскание иностранного материального права, к которому отсылает МЧП. Это облегчает и упорядочивает международное торговое сотрудничество, а стороны должны лишь договориться о единообразном толковании его норм [6, с. 251–260].

Таким образом, международное публичное право и его институты играют важную роль в развитии МЧП и дают материал для обширного сравнительно-правового анализа.

Одним из аспектов, связывающих сравнительное правоведение и МЧП, является их общее историческое прошлое. В начале XX в. сравнительное правоведение внесло существенный вклад в становление и развитие международного частного права. Активная экономическая глобализация и сформированный социально-экономический запрос на создание гармонизированных правил торгового оборота со стороны промышленного и банковского капитала разных стран обусловили интерес к подобным исследованиям. Известный отечественный цивилист Г.Ф. Шершеневич писал, что «изменение экономических отношений в странах Европы требовало регулирования со стороны более совершенного права, чем национальное...» [7, с. 136]. Соответственно, в тот период времени популярностью пользовались правовые проекты, направленные на создание общих для нескольких государств правовых режимов.

Так, в 1904–1905 гг. в целях межгосударственной унификации норм по вопросам о браке, разводе и судебном разлучении супругов, опеке над несовершеннолетними, попечительстве над совершеннолетними, личных и имущественных отношениях между супругами, международном гражданском процессе появилось несколько Гаагских конвенций, объединивших 10 европейских государств и создавших так называемый «климат Гааги».

На рубеже XIX–XX вв. в скандинавских странах предпринята попытка создания единого Скандинавского гражданского кодекса (для Дании, Швеции, Норвегии и Исландии). Благодаря сравнительно-правовым исследованиям в этих государствах выявлены правовые различия, препятствовавшие созданию единых правовых режимов в гражданско-правовой сфере, а также предложены механизмы их устранения. В целом, этот проект оказался неудачным, но в рамках его реализации в первые десятилетия XX в. появились общие для всех скандинавских государств закон о продаже недвижимого имущества и закон о договорах и других законных операциях в праве собственности и обязательственном праве. Можно констатировать, что в этом регионе сложилось и уже более 100 лет действует единое договорное право².

Сравнительно-правовой метод приобретает высокую практическую значимость в случаях рассмотрения судами споров с участием иностранного элемента. Судьям в таких ситуациях приходится не только применять, но и толковать нормы права зарубежных государств, что, безусловно, должно опираться на знание особенностей иных правовых систем и основы применения сравнительно-правового метода [8, с. 49].

В соответствии с п. 1 ст. 1191 Гражданского кодекса РФ при применении иностранного права суд устанавливает содержание его норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве. Несмотря на то, что в данной

² Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: Юристъ, 2007. – С. 184.

норме прямо не упоминаются понятия «сравнительно-правовой метод», «сравнение», указание законодателя на необходимость проведения правоприменителем компаративистских исследований представляется достаточно прозрачным. В приведенной статье Гражданского кодекса РФ устанавливается, что суд может обратиться за содействием и разъяснением по этому вопросу к Министерству юстиции РФ и иным компетентным органам или организациям в РФ и за границей, а также возможно и привлечение экспертов. Суд может использовать документы, подтверждающие содержание норм иностранного права, поступающие от сторон по их инициативе. Таким образом, подчеркивая сложность установления подлинного содержания норм иностранного права и необходимость специальных профессиональных познаний по этому вопросу, законодатель создал механизм наиболее эффективного применения сравнительно-правового метода.

Содержание анализируемой отечественной правовой нормы в целом поддерживает сложившуюся общемировую практику по этому вопросу. Например, в Великобритании – стране прецедентного права – еще в 1933 г., рассматривая дело *Lazard Brothers and Co. v. Midland Bank* (имеющего, кстати, непосредственное отношение к России, т.к. в нем рассматривалась судьба долговых обязательств британской компании перед российским банком, действовавшим в имперский, дореволюционный, период), судья лорд Райт указал, что «... часто обсуждалось, на основании каких доказательств иностранного права может действовать Суд. Очевидно, что доказательства *должны быть представлены квалифицированными экспертами в области иностранного права*»³ (курсив наш. – Н. Ч.).

Заметим, что сравнительно-правовые изыскания не относятся к разряду простых и хорошо знакомых для судебной системы. При этом суды подчас допускают ошибки и не эффективно используют имеющийся у них правовой инструментарий для установления содержания иностранного права. Например, Верховный Суд РФ Определением от 15 марта 2021 г. отправил на новое рассмотрение спор по делу о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Автомобильная компания "Дер-Вейс"», в котором нижестоящие инстанции проигнорировали оговорку о применимом праве. Как установил Верховный Суд РФ, спор нужно было разрешать по шведскому праву, а нижестоящие инстанции применили китайское законодательство и международную конвенцию, которая не действует ни для Швеции, ни для КНР, ни для России⁴.

Следовательно, сравнительное правоведение и международное частное право показывают множество точек пересечения и системное взаимодействие, причем преимущественно в вопросах практики правоприменения. Приведем их.

1. Существует тесная историческая связь обеих правовых наук на начальном этапе их становления и развития.

2. Сравнительно-правовой метод стал одним из центральных методологических инструментов приспособления норм международного права для регулирования гражданско-правовых отношений с участием иностранного элемента. Конвенционные нормы международного публичного права и международно-правовые документы, разрабатываемые международными межправительственными организациями по вопросам гражданско-правового сотрудничества, способствуют процессу унификации МЧП.

3. В случае судебного разбирательства спора с участием иностранного элемента судьи вынуждены обращаться к сравнительно-правовому методу как к инструменту, позволяющему правильно идентифицировать применяемые элементы зарубежного права, в результате чего это способствует вынесению верного решения по конкретному делу.

Одновременно подчеркнем, что сфера применения МЧП создает широкие возможности для сравнительно-правового анализа, поставляя исследователям «первичный материал» реальных жизненных ситуаций, споров, конфликтов из различных правовых систем⁵.

³ House of Lords. *Lazard Brothers & Co. v. Midland Bank*. (H. L.(E.)). – URL: <http://www.uniset.ca/other/cs5/1933AC289.html> (дата обращения: 04.02.2022). – Текст: электронный.

⁴ Определение от 15 марта 2021 г. по делу № А25-755/2019. – URL: <http://www.sudrf.cntd.ru/document/573928946> (дата обращения: 04.03.2022). – Текст: электронный.

⁵ Саидов А.Х. Сравнительное правоведение: краткий учебный курс. – Москва, 2006. – С. 189–194.

Список литературы

1. *Вельяминов Г.М.* Понятие международного частного права и наука о транснациональных частнопровых отношениях // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2015. – № 3. – С. 127–157.
2. *Максименко С.Т.* К вопросу о функциях международного частного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 4. – С. 47–52.
3. *Вознесенская Н.Н.* Правовая природа унифицированных норм торгового права международных договоров // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2009. – № 4. – С. 97–107.
4. *Вознесенская Н.Н.* Роль сравнительного правоведения при разработке и применении международного частного права // Закон. – 2013. – № 6. – С. 112–122.
5. *Новикова Т.В.* Коллизионный и материально-правовой методы международного частного права: соотношение и взаимодействие // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 32. – С. 153–163.
6. Современное международное частное право в России и Евросоюзе / под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. – Москва: Норма, 2013. – 655 с.
7. *Шершеневич Г.Ф.* Русское гражданское право. – Москва, 1912. – 951 с.
8. *Соболев И.Д.* Основополагающие начала и принципы международного частного права // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. – 2015. – № 2. – С. 44–51.

References

1. *Vel'yaminov G.M.* Ponyatie mezhdunarodnogo chastnogo prava i nauka o transnacional'nyh chastnopravovyh otnosheniyah // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. – 2015. – № 3. – S. 127–157.
2. *Maksimenko S.T.* K voprosu o funkciyah mezhdunarodnogo chastnogo prava // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. – 2015. – № 4. – S. 47–52.
3. *Voznesenskaya N.N.* Pravovaya priroda unificirovannyh norm torgovogo prava mezhdunarodnyh dogovorov // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2009. – № 4. – S. 97–107.
4. *Voznesenskaya N.N.* Rol' sravnitel'nogo pravovedeniya pri razrabotke i primenenii mezhdunarodnogo chastnogo prava // Zakon. – 2013. – № 6. – S. 112–122.
5. *Novikova T.V.* Kollizionnyj i material'no-pravovoj metody mezhdunarodnogo chastnogo prava: sootnoshenie i vzaimodejstvie // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2019. – № 32. – S. 153–163.
6. *Sovremennoe mezhdunarodnoe chastnoe pravo v Rossii i Evrosoyuze / pod red. M.M. Boguslavskogo, A.G. Lisicyna-Svetlanova, A. Trunka.* – Moskva: Norma, 2013. – 655 s.
7. *Shershenevich G.F.* Russkoe grazhdanskoe pravo. – Moskva, 1912. – 951 s.
8. *Sobolev I.D.* Osnovopolagayushchie nachala i principy mezhdunarodnogo chastnogo prava // Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina. – 2015. – № 2. – S. 44–51.

УДК 347.1

ПОНЯТИЕ САМОРЕГУЛИРУЕМОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Васильев Алексей Олегович¹,

e-mail: a.o.vasilyev@mail.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

В современном гражданском обороте некоммерческим организациям присущ ряд важных функций, в том числе по разрешению проблем, с которыми не справляется государственная система. В связи с этим одной из основных тенденций института юридических лиц в Российской Федерации является перенос деятельности некоммерческих организаций из области действия частноправового регулирования в сферу публичного права. При этом большая часть саморегулируемых организаций создаются и функционируют именно как некоммерческие юридические лица. Рассматриваются особенности понятия саморегулирования и саморегулируемой организации, ее основные признаки и функции как некоммерческого корпоративного юридического лица. В исследовании применены общенаучные, формально-логические методы познания. Формулируется вывод о том, что институт саморегулирования обладает межотраслевой природой, будучи элементом метода регулирования общественных отношений в гражданском праве, а равно функционирует в определенных публично-правовых границах. Легальное определение саморегулируемой организации дает возможность считать таковую некоммерческим юридическим лицом, имеющим признаки корпорации.

Ключевые слова: саморегулирование, саморегулируемая организация, признаки и функции саморегулируемой организации, некоммерческая организация, корпоративное юридическое лицо

THE CONCEPT OF A SELF-REGULATORY ORGANIZATION AND ITS PLACE IN THE SYSTEM OF NON-PROFIT LEGAL ENTITIES

Vasiliev A.O.¹,

e-mail: a.o.vasilyev@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

In modern civil turnover non-profit organizations have a number of important functions, including solving problems that the state system cannot cope with. In this regard one of the main trends of the institution of legal entities in Russian Federation is the transfer of non-profit organizations' activities from the scope of private law regulation to the sphere of public law. At the same time most of the self-regulatory organizations are created and function precisely as non-profit legal entities. The article describes the features of the concept of self-regulation and self-regulating organization, its main features and functions as a non-profit corporate legal entity. The research uses general scientific, formal and logical methods of cognition. The author comes to the conclusion that self-regulation institution has an inter-branch legal nature being an element of the method of public relation regulation in civil law and also functions within certain public legal boundaries. The legal definition of a self-regulating organization makes it possible to consider it as a non-profit legal entity with the main characteristics of a corporation.

Keywords: self-regulation, self-regulating organization, signs and functions of a self-regulating organization, non-profit organization, corporate legal entity

DOI 10.21777/2587-9472-2022-3-43-49

Институт саморегулирования существует не только в правовой, но и в экономической сфере, а в научной теории рассматривается в широком и узком значениях. В широком смысле саморегулирование представляет собой такое средство для реализации фундаментальных целей правовой регламентации экономики, которое приводит к установлению баланса публичных, общественных и частных интересов. Вместе с тем саморегулированию как отдельному институту присущи и собственные функции, и цели, и соответствующие правовые средства, способствующие достижению этих целей. Если рассматривать саморегулирование с точки зрения широкого подхода, то его цели будут тождественны целям правового регулирования экономической сферы деятельности. При узком подходе саморегулирование анализируется с позиции деятельности отдельных саморегулируемых организаций. Его целью в данном случае ученые-цивилисты называют, в том числе, ограничение государственного регулирования экономики [1, с. 45].

Как полагает Д.А. Петров, право субъектов гражданских правоотношений на саморегулирование необходимо считать мерой возможного поведения. Однако анализ данного права также позволяет утверждать, что для него свойственны и признаки юридического обязывания как меры должного поведения хозяйствующих субъектов. Введение государством в оборот такой обязанности обусловливается неэффективностью и зачастую избыточностью государственного регулирования [2].

Сущность саморегулирования, по мнению И.В. Ершовой, состоит в делегировании государством саморегулируемым организациям отдельных функций, связанных с управлением профессиональной и предпринимательской деятельностью [3, с. 2144–2145]. Как показывает изучение специальной литературы по данному вопросу, большая часть исследователей соглашается с указанной точкой зрения о делегировании функции государства саморегулируемым организациям, поскольку, по их мнению, теория делегирования видится соответствующей законодательному замыслу [Там же, с. 2145].

Вместе с тем в юридической литературе иногда встречается мнение, согласно которому теория о передаче функций государства саморегулируемым организациям в корне не верна. Так, Л.В. Андреева по этому поводу утверждает, что в данном случае государство отказывается от некоторых требований, на смену которым приходят требования, которые предъявляются самими саморегулируемыми организациями к своим членам [4].

А.Ф. Алгазина предлагает под саморегулированием понимать отдельный вид управленческой деятельности, проводимой саморегулируемыми организациями, в результате которой такая организация осуществляет разработку и устанавливает определенные правила и стандарты для ведения профессиональной деятельности в конкретных сферах (например, в строительстве, аудиторской деятельности), а за неисполнение (ненадлежащее исполнение) данных правил и стандартов также предусматривает соответствующую систему санкций [5, с. 110].

Как видится, приведенная дефиниция опирается на легальное определение саморегулирования как института, нашедшего свое закрепление в п. 1 ст. 2 Федерального закона РФ от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»¹ (далее – Закон № 315-ФЗ), в котором говорится о том, что таковым следует считать самостоятельную и инициативную деятельность, реализуемую субъектами предпринимательской (профессиональной) деятельности. При этом ее содержанием выступают разработка и установление стандартов, правил данной деятельности, а также контроль за их соблюдением.

А.Г. Жарова полагает, что именно из законодательного определения саморегулирования следует возможность отнесения его к правовому институту. Реализация саморегулирования на практике происходит посредством создания специальных структур участниками рынка и передачи им части полномочий [6, с. 49].

Такой признак, как самостоятельная инициативная деятельность, дискуссии не вызывает. Однако мнения ученых по поводу «разработки и установления стандартов и правил» в рассматриваемой деятельности не совпадают. Так, с одной стороны, у саморегулируемых организаций имеется право самостоятельно формулировать свои правила и стандарты, а с другой – в Законе № 315-ФЗ имеется значимая оговорка, согласно которой изменить существующий порядок может другой федеральный

¹ О саморегулируемых организациях: федеральный закон Российской Федерации: [от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 49. – Ст. 6076.

закон, которым были бы предусмотрены новые правила, стандарты и особенности их содержания. Соответственно, как указывает А.В. Голышева, государство должно устанавливать минимальные требования для определенного вида работ и услуг, а саморегулируемым организациям отводится только роль их совершенствования путем разработки своих правил и стандартов [7, с. 50].

Непосредственно термин «саморегулируемая организация» заимствован российской системой права из англо-американской системы (self-regulatory organization). Согласно международной правовой практике, организация является саморегулируемой в том случае, если она реализует определенную степень «регулирующей власти» над конкретной областью деятельности [3, с. 2146–2147].

В российской гражданско-правовой науке отсутствуют единые понятие и мнение по поводу определения саморегулируемой организации. Однако легальная дефиниция представлена в ст. 3 Закона № 315-ФЗ. Из ее формулировки следует, что законодатель называет саморегулируемыми такие организации, которые имеют статус некоммерческих юридических лиц, создаются в указанных в Законе № 315-ФЗ и других федеральных законах целях, основаны на обязательном членстве своих субъектов, объединяют субъектов предпринимательской деятельности, которые дифференцируются в зависимости от рынка произведенных товаров (услуг, работ) или отрасли производства товаров (услуг, работ) либо в зависимости от вида профессиональной деятельности (например, саморегулируемые организации в сфере строительства, аудиторские саморегулируемые организации и т.д.).

Законодательное определение позволяет сформулировать следующие основные признаки, отличающие саморегулируемые организации от иных участников гражданского оборота: отнесение организации к некоммерческим юридическим лицам; определяемая законом цель деятельности; основание на членстве; члены организации – предприниматели либо субъекты профессиональной деятельности, объединенные в установленных законом случаях.

Кроме определения и признаков саморегулируемой организации Закон № 315-ФЗ в ч. 3 ст. 3 предусматривает конкретные требования, установленные для юридических лиц рассматриваемого типа и ограничивающие такие организации от других некоммерческих юридических лиц. Во-первых, в состав саморегулируемой организации может входить строго ограниченное число ее членов – не менее 25 субъектов предпринимательской деятельности или не менее 100 субъектов профессиональной деятельности конкретного вида (при этом федеральным законом могут быть установлены иные требования). Во-вторых, все члены саморегулируемой организации обязаны выполнять принятые в ней правила и стандарты предпринимательской или профессиональной деятельности. В-третьих, каждый член саморегулируемой организации несет дополнительную ответственность имущественного характера перед потребителями оказываемых организацией услуг (товаров, работ) и иными лицами, при этом саморегулируемая организация должна обеспечивать данную ответственность. В совокупности, как отмечает Ю.Г. Лескова, все указанные требования и признаки показывают суть саморегулируемой организации [8, с. 31].

Между тем в научной литературе встречается основанное на анализе российского законодательства мнение, согласно которому саморегулируемую организацию нельзя рассматривать в качестве организационно-правовой формы юридического лица, т.к. это, скорее, ее статус, которым наделяется уже действующая основанная на членстве некоммерческая организация в том случае, если она согласуется с предусмотренными законом требованиями [9, с. 88].

Кроме того, саморегулируемым организациям присущи отдельные признаки публичных юридических лиц, что обусловлено особенностями их правовой природы, поскольку в деятельности саморегулируемых организаций встречается сочетание публичных и частных правовых начал. По этому поводу Р.Н. Аганина отмечает, что «при переходе функций от государственных органов к профессиональным сообществам они не утрачивают свою публичную природу, так как имеют своей целью поддержку и обеспечение защиты интересов общества. Соответственно, саморегулируемые организации призваны осуществлять в этой области именно публичные функции» [Цит. по: 3, с. 2148].

Поскольку саморегулируемая организация относится к группе некоммерческих организаций, сформированной на основе ч. 1 Гражданского кодекса РФ² (далее – ГК РФ), она также подпадает под

² Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1): [от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25 февраля 2022) г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

регулирование положениями Федерального закона РФ от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»³ (далее – Закон № 7-ФЗ). Вместе с тем следует обратить внимание на тот факт, что само создание некоммерческой организации совершенно не подразумевает автоматическое признание за ней статуса саморегулируемой: для такого признания данное юридическое лицо должно отвечать всем установленным для саморегулируемых организаций требованиям закона.

Упоминания о саморегулируемых организациях в настоящее время неоднократно встречаются в ГК РФ, например в ст. 49, 50, 123.8. При этом саморегулируемым организациям действующий ГК РФ отводит место в числе создаваемых в организационно-правовой форме ассоциаций (союзов) некоммерческих юридических лиц.

Вместе с тем, как свидетельствует правотворческая практика, наиболее оптимальной формой саморегулируемой организации современный законодатель называет некоммерческое партнерство. Однако анализ п. 1 ст. 8 Закона № 7-ФЗ показывает, что под некоммерческим партнерством принято подразумевать некоммерческую организацию, которая основана на членстве и учреждена юридическими лицами и (или) гражданами с целью содействия в ведении деятельности ее членам. При этом такая деятельность своей направленностью имеет достижение указанных в п. 2 ст. 3 Закона № 7-ФЗ целей.

Таким образом, нормы Закона № 7-ФЗ указывают на цели организации, имеющие общественно-полезный характер, а основное назначение партнерства заключается в содействии своим членам, а не в обеспечении государственных интересов, как это подразумевается в саморегулируемой организации, о чем говорил Конституционный Суд РФ в Постановлении РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности абз. 8 п. 1 ст. 20 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева»⁴.

Вместе с тем практика и анализ деятельности отдельных некоммерческих организаций показывают, что за ними закреплены определенные функции, относящиеся не только к реализации задач, имеющих социальное значение. В некоторых случаях некоммерческие организации не только являются так называемыми партнерами государства, но и, по сути, проводят «замену» государства при решении государственных задач, которые не под силу государственной системе и на которые не выделяются материальные средства. При сложившихся условиях в качестве основных направлений законодательства о некоммерческих организациях можно считать фактический «перенос» некоммерческих организаций из частноправовой области деятельности в сферу, регулируемую публичным правом. В качестве примера такого переноса в научной литературе называется отмена лицензирования отдельных видов деятельности, вследствие чего на отдельные саморегулируемые организации законом были возложены обязанности по предоставлению допуска к ведению профессиональной или предпринимательской деятельности и выполнению контрольно-надзорных функций [10, с. 461].

Однако нельзя считать, что саморегулируемые организации не входят в число корпоративных некоммерческих юридических лиц. Принимая во внимание нормы, представленные в ст. 2 и ч. 3 ст. 3 Закона № 315-ФЗ, характеристика саморегулируемой организации как корпоративного некоммерческого юридического лица может быть обусловлена следующими обстоятельствами: статус саморегулируемой может быть предоставлен только некоммерческим организациям, которые основаны на членстве; в свою очередь, организациям, основанным на членстве, присущи все признаки корпоративных организаций. Отсюда можно сделать вывод о том, что члены саморегулируемых организаций участвуют в корпоративных правоотношениях, имея при этом определенные права. Об этом может свидетельствовать и норма ст. 225.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ⁵, согласно которой арбитражные суды разрешают дела, складывающиеся по корпоративным спорам, имеющим отношение к созданию, управлению и участию в юридическом лице, в том числе в таком, которое имеет статус некоммерческой саморегулируемой организации.

³ О некоммерческих организациях: федеральный закон Российской Федерации: [от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 145.

⁴ По делу о проверке конституционности абз. 8 п. 1 ст. 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева: постановление Конституционного Суда Российской Федерации: [от 19 декабря 2005 г. № 12-П] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 3. – Ст. 335.

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: [от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 11 июня 2022 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

Соответственно, если рассматривать саморегулируемую организацию в качестве корпоративного некоммерческого юридического лица, ей будут свойственны основные признаки, характерные для любой корпоративной организации. К таковым относятся: признание за данным субъектом статуса юридического лица; создание в виде объединения являющихся субъектами права физических/юридических лиц, получающих статус члена корпоративной организации, а равно объединение их имущества, которое, в свою очередь, принадлежит на праве собственности саморегулируемой организации; характеристика организации в качестве волевой, когда ее воля обусловлена групповыми интересами участников, входящих в ее состав, и при этом отграничена от индивидуальной воли ее участников; наделение участников организации комплексом прав и обязанностей по отношению не только к друг другу, но и к организации; организационное единство самоуправляемой организации, означающее создание органов управления во главе с общим собранием участников; сохранение признаков юридического лица за организацией при изменении состава ее участников (однако организация может потерять статус саморегулируемой, если число ее участников перестанет удовлетворять указанным в законе требованиям).

Кроме того, функциональное назначение саморегулируемой организации, по мнению Ю.Г. Лесковой, может свидетельствовать и о некоторых особенностях данной организации как некоммерческой корпорации, которая выполняет в первую очередь функции регулятора [8, с. 41].

По поводу функций саморегулируемой организации следует отметить, что в ее легальном определении, приведенном действующим Законом № 315-ФЗ, какие-либо сведения о таковых отсутствуют. В прочих же статьях этого же закона их выделение довольно размыто, хотя и встречаются отдельные упоминания о функциях саморегулируемых организаций [11, с. 121].

В гражданско-правовой теории среди основных функций саморегулируемой организации выделяют регулиющую, контрольную, организационно-обеспечительную и юрисдикционную [12, с. 77], принимая во внимание особое место данного субъекта гражданского права. Так, регулирующая функция находит свое выражение в первую очередь в разработке правил и стандартов, условий членства и прочих документов саморегулируемой организации внутреннего значения. Контрольная функция проявляется в осуществлении надзора и контроля за деятельностью своих участников со стороны саморегулируемой организации. Организационно-обеспечительная функция саморегулируемой организации выражается в выполнении задач, связанных с ведением реестра участников организации, создании органов ее управления, обеспечении ответственности имущественного характера участников организации перед клиентами и другими лицами, размещении информации, подлежащей такому размещению в силу требований закона, на официальном сайте организации. Наконец, юрисдикционная функция саморегулируемой организации подразумевает проведение процедуры рассмотрения жалоб на действия участников организации и дел о нарушении ими требований правил и стандартов организации, условий членства в ней, а также применение дисциплинарных мер в отношении своих участников.

Как отмечают С.А. Комаров и С.Ю. Панин, для саморегулируемой организации по сравнению с органами государственного регулирования характерно наличие дополнительных функций, которые в первую очередь обеспечивают проведение досудебного урегулирования конфликтов между участниками организации и третьими лицами [13, с. 41–42].

Анализ специальной юридической литературы показывает, что исследователи зачастую смешивают функции саморегулируемых организаций с их обязанностями и правами [12, с. 77]. Такая ситуация может складываться в связи с тем, как сконструирована ст. 6 Закона № 315-ФЗ. Перечень основных функций саморегулируемой организации приведен в ч. 1 указанной статьи. В то же время в ч. 5 этой же статьи законодатель уточняет, что осуществление некоторых функций считается обязанностью такой организации. Между тем подобное отождествление полномочий (как комплекс обязанностей и прав) и функций представляется недопустимым.

Таким образом, саморегулированию как правовому институту свойственна межотраслевая природа: с одной стороны, оно является частью гражданско-правового метода регулирования общественных отношений, а с другой – имеет публично-правовое определение своих границ. Основная цель создания саморегулируемой организации заключается в обеспечении соблюдения прав всех участников правоотношений, которые связаны с осуществлением предпринимательской или профессиональной деятельности в определенной экономической сфере.

Признаки саморегулируемой организации, вытекающие из ее легального определения и предъявляемых законом других требований, а также вследствие функционального предназначения, позволяют отнести такую организацию к некоммерческим корпоративным юридическим лицам, что обуславливает ее место в системе некоммерческих организаций.

Список литературы

1. *Сунгатуллина Л.А.* Функции участников саморегулируемых организаций // Бизнес в законе. – 2015. – № 1. – С. 45–49.
2. *Петров Д.А.* Правовые и экономические предпосылки саморегулирования в сфере предпринимательства // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. – 2009. – № 3. – С. 197–221.
3. *Ершова И.В.* Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: вопросы теории и законодательства // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 10. – С. 2142–2150.
4. *Андреева Л.В.* Перспективы развития саморегулирования в торговле // Коммерческое право. – 2014. – № 1. – С. 5–12.
5. *Алгазина А.Ф.* Саморегулирование как вид управленческой деятельности // Правоприменение. – 2017. – № 2. – С. 101–114.
6. *Жарова А.Г.* Понятия и особенности института саморегулирования в Российской Федерации // European Science. – 2017. – № 10. – С. 48–52.
7. *Гольшиева А.В.* О правовом статусе саморегулируемых организаций как субъектов предпринимательской деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». – 2016. – № 4. – С. 49–56.
8. *Лескова Ю.Г.* К вопросу о правовой природе и сущности саморегулируемой организации // Современная наука. – 2010. – № 2. – С. 30–33.
9. *Герасимов А.А.* Нормативно-правовые основы деятельности саморегулируемых организаций как субъектов гражданского права // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 1. – С. 88–92.
10. *Марсунова Е.В.* Особенности законодательного регулирования гражданско-правового статуса некоммерческих организаций как юридических лиц // Бюллетень науки и практики. – 2016. – № 4. – С. 461–469.
11. *Сунгатуллина Л.А.* Функции саморегулируемых организаций // Ученые записки Казанского университета. – 2014. – № 4. – С. 118–129.
12. *Алгазина А.Ф.* Функции саморегулируемых организаций: содержание и проблемы реализации // Правоприменение. – 2017. – № 4. – С. 75–86.
13. *Комаров С.А., Панин С.Ю.* Понятие и правовая природа саморегулируемых организаций в Российской Федерации: сущность и содержание // Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2018. – № 20-2. – С. 38–42.

References

1. *Sungatullina L.A.* Funkcii uchastnikov samoreguliruemyh organizacij // Biznes v zakone. – 2015. – № 1. – S. 45–49.
2. *Petrov D.A.* Pravovye i ekonomicheskie predposylki samoregulirovaniya v sfere predprinimatel'stva // Rossijskij ezhegodnik predprinimatel'skogo (kommercheskogo) prava. – 2009. – № 3. – S. 197–221.
3. *Ershova I.V.* Samoregulirovanie predprinimatel'skoj i professional'noj deyatel'nosti: voprosy teorii i zakonodatel'stva // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2014. – № 10. – S. 2142–2150.
4. *Andreeva L.V.* Perspektivy razvitiya samoregulirovaniya v trgovle // Kommercheskoe pravo. – 2014. – № 1. – S. 5–12.
5. *Algazina A.F.* Samoregulirovanie kak vid upravlencheskoj deyatel'nosti // Pravoprimenenie. – 2017. – № 2. – S. 101–114.
6. *Zharova A.G.* Ponyatiya i osobennosti instituta samoregulirovaniya v Rossijskoj Federacii // European Science. – 2017. – № 10. – S. 48–52.
7. *Golysheva A.V.* O pravovom statuse samoreguliruemyh organizacij kak sub'ektov predprinimatel'skoj deyatel'nosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Yurisprudenciya". – 2016. – № 4. – S. 49–56.

8. *Leskova Yu.G.* K voprosu o pravovoj prirode i sushchnosti samoreguliruemoy organizacii // *Sovremennaya nauka.* – 2010. – № 2. – S. 30–33.
9. *Gerasimov A.A.* Normativno-pravovye osnovy deyatel'nosti samoreguliruemyyh organizacij kak sub'ektov grazhdanskogo prava // *Probely v rossijskom zakonodatel'stve.* – 2010. – № 1. – S. 88–92.
10. *Marsunova E.V.* Osobennosti zakonodatel'nogo regulirovaniya grazhdansko-pravovogo statusa nekommercheskih organizacij kak yuridicheskikh lic // *Byulleten' nauki i praktiki.* – 2016. – № 4. – S. 461–469.
11. *Sungatullina L.A.* Funkcii samoreguliruemyyh organizacij // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta.* – 2014. – № 4. – S. 118–129.
12. *Algazina A.F.* Funkcii samoreguliruemyyh organizacij: sodержanie i problemy realizacii // *Pravoprime-nenie.* – 2017. – № 4. – S. 75–86.
13. *Komarov S.A., Panin S.Yu.* Ponyatie i pravovaya priroda samoreguliruemyyh organizacij v Rossijskoj Federacii: sushchnost' i sodержanie // *Norwegian Journal of Development of the International Science.* – 2018. – № 20-2. – S. 38–42.

УДК. 347. 2./3

ОСНОВНЫЕ ВЕЩНО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Слабоспицкий Анатолий Сергеевич^{1,2},
e-mail: slabospitskyas@gmail.com,

Эльдерханов Мансур Адланович²,
e-mail: elderhanov.mans@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

Актуальность статьи обусловлена отсутствием единства подходов в научной доктрине в отношении вещно-правовых способов защиты. Несовершенство действующего законодательства и правоприменительной практики обуславливает потребность в новом научном осмыслении гражданско-правовых категорий вещного права. В связи с этим излагается авторский взгляд на разрешение теоретических проблем, касающихся заявленной темы. Предметом исследования являются нормативные правовые акты, правоприменительная практика и научные концепции, связанные с основными вещно-правовыми способами защиты гражданских прав. Цель состоит в формировании комплексного подхода к пониманию вещно-правовых способов защиты. Методология исследования предполагает использование как общенаучных (анализ, классификация, аналогия), так и частнонаучных методов познания (системно-структурный, метод толкования, моделирование). Приводится процессуальная характеристика двух основных вещно-правовых способов защиты – виндикационного и негаторного исков, в том числе путем анализа их элементов. Сформулированные выводы касаются необходимости формирования единой законодательной концепции о вещно-правовых способах защиты, определения правовой природы требования об освобождении имущества от ареста, а также условий эффективности использования различных вещно-правовых способов защиты.

Ключевые слова: виндикационный иск, негаторный иск, способ защиты, вещные права, право собственности

THE MAIN PROPRIETARY METHODS OF PROTECTING CIVIL RIGHTS

Slabospitsky A.S.^{1,2},
e-mail: slabospitskyas@gmail.com,

Elderkhanov M.A.²,
e-mail: elderhanov.mans@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²All-Russian State University of Justice, Moscow, Russia

The relevance of this article is due to the lack of unity of approaches in the scientific doctrine in relation to proprietary methods of protection. The imperfection of the current legislation and law enforcement practice necessitates a new scientific understanding of the civil law categories of property law. In this regard, this article presents the author's view on the resolution of theoretical problems related to the stated topic. The subject of the research is normative legal acts, law enforcement practice and scientific concepts related to the main proprietary legal methods of protecting civil rights. The aim is to form an integrated approach to the understanding of property law methods of protection. The research methodology involves the use of both general scientific (analysis, classification, analogy) and private scientific methods of cognition (system-structural, method of interpretation, modeling). The article gives a procedural description of the two main proprietary legal methods of protection – vindication and negatory claims, including by analyzing the elements of these claims. The conclusions relate to the need to form a unified legislative concept on proprietary methods of protection, to determine the legal nature

of the requirement to release property from arrest, as well as the conditions for the effectiveness of the use of various proprietary methods of protection.

Keywords: vindication claim, negatory claim, method of protection, proprietary rights, ownership

DOI 10.21777/2587-9472-2022-3-50-57

Вещно-правовые способы защиты занимают особое место в системе способов защиты гражданских прав. Особенность названных способов защиты обусловлена природой вещных правоотношений, которые определяют статику имущественного оборота. Сами же вещные права призваны закрепить определенную вещь за конкретным субъектом гражданского права, обеспечивая при этом возможность владения, пользования и распоряжения ею законным владельцем. Такой законный владелец вещи, которым может являться не только собственник, но и другое лицо, владеющее вещью на основании иного вещного права, является управомоченным лицом, которому противопоставляется неограниченный круг обязанных лиц. В связи с этим в правовой литературе вещные права именуются абсолютными¹. Следовательно, вещно-правовые способы защиты могут быть направлены на любое лицо, в отличие от способов защиты обязательственных прав, предполагающих наличие конкретного нарушителя.

К абсолютным правам можно отнести и интеллектуальные права, в рамках которых центральное место отводится исключительному праву на результаты интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствам индивидуализации. Однако если объект интеллектуальных прав по своей природе является неосязаемым (нематериальным), то объект вещных прав представляет собой физически существующий предмет материального мира. Этим и обусловлено отличие в содержании данных прав.

Вещные права включают три правомочия, которые наиболее полным образом реализуются в рамках права собственности: владение (возможность фактически обладать вещью); пользование (извлечение полезных свойств из вещи); распоряжение (определение юридической судьбы вещи)². По этой причине право собственности иногда именуют «полным вещным правом» [1, с. 35]. Тем не менее, учитывая ст. 216 Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее – ГК РФ), перечень вещных прав с различным содержанием не исчерпывается правом собственности. Более того, содержание ст. 216 ГК РФ также является неполным, т.к. помимо закрепленных в данной статье к вещным правам относятся, например, залоговое право, право пользования чужим жилым помещением в силу завещательного отказа. Соответственно, нарушение любого из правомочий, составляющих субъективное вещное право, является основанием для применения конкретных вещно-правовых способов защиты, используемых в зависимости от характера нарушения.

Защита вещных прав может осуществляться путем применения специальных способов защиты, используемых исключительно в рамках вещных правоотношений, а также с помощью общих способов защиты, которые являются универсальными для гражданских правоотношений любой юридической природы (ст. 12 ГК РФ). Так, субъекты вещных прав могут защитить свои права путем использования самозащиты [2].

Наиболее известные способы защиты вещных прав реализуются путем предъявления исковых требований – виндикационного (об истребовании имущества из чужого незаконного владения) и негаторного исков (об устранении препятствий в пользовании имуществом, не связанных с лишением владения вещью). Однако в любом случае объединяющим все вещные иски признаком является наличие общего объекта – сохранившейся в натуре индивидуально-определенной вещи. Следовательно, при уничтожении вещи или ином нарушении ее целостности заинтересованное лицо может защитить свои права, однако без использования специальных вещно-правовых способов защиты [3, с. 250]. Связано это с тем, что если нет объекта вещного права, то отсутствует и само право на вещь.

¹ Держо Д.С. Понятие и виды вещных имущественных прав. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.02.2022). – Текст: электронный.

² Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Ч. 1. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст: электронный.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1): [от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.02.2022). – Текст: электронный.

Е.А. Суханов, определяя особенности отечественного правового порядка, справедливо отмечал следующее: «По нашему праву вещно-правовой иск во многих случаях может предъявить и субъект обязательственного, а не вещного права (если он обладает правомочием владения в отношении конкретной вещи). Однако субъект вещного права в этом своем качестве не сможет воспользоваться обязательно-правовым иском в свою защиту»⁴.

Таким образом, вещно-правовыми способами защиты, реализуемыми путем предъявления виндикационного и негаторного исков, могут пользоваться и субъекты обязательственного права, владеющие имуществом, вещные права на которые принадлежат другим субъектам. Так, арендатор, доверительный управляющий или хранитель могут прибегнуть к вещно-правовым способам защиты в случае нарушений со стороны третьих лиц. Подобные способы защиты неприменимы, если дело касается обязательственных правоотношений между субъектами. Так, арендатор, которому арендодатель отказывается передать арендованное имущество, несмотря на заключенный между ними договор, не вправе предъявлять виндикационный иск. В данном случае исковое требование должно быть основано на нарушении условий договора между сторонами. То же самое касается и случаев использования арендатором имущества вопреки условиям договора. В этом случае арендодатель вправе предъявить не негаторный иск, а соответствующее договорное требование⁵.

Более подробно рассмотрим два главных способа защиты вещных прав: виндикационный и негаторный иски.

Виндикационный иск часто определяется как иск невладеющего собственника к владеющему несобственнику. Пользоваться виндикационным иском может лишь субъект, имеющий юридический титул на определенную вещь (петиторная защита), но не способный реализовать всю совокупность правомочий, составляющих вещное право (владение, пользование, распоряжение). Как было отмечено ранее, таким субъектом может быть и лицо, владеющее чужой вещью на основании обязательственных правоотношений, а также обладающее вещью на основании ограниченного вещного права. Указанное положение является очень важным с точки зрения определения предмета и бремени доказывания. Иными словами, одним из главных обстоятельств, входящих в предмет доказывания, которое должно доказываться истцом, является наличие законных прав на предмет виндикации.

Ответчиком же по виндикационному иску является фактический владелец вещи, не имеющий юридических оснований для обладания ею. При отсутствии вещи у ответчика виндикационный иск не может быть удовлетворен, т.к. отсутствует предмет виндикации. Однако для защиты своих имущественных интересов заинтересованное лицо может воспользоваться деликтным иском, который является обязательственным. Ответчик в подавляющем большинстве случаев заинтересован занять более активную позицию. Так, ответчиком для получения благоприятного для него решения могут быть представлены доказательства в подтверждение следующих фактов:

- 1) отсутствие субъективного вещного права у истца на предмет виндикации;
- 2) наличие у ответчика законных оснований для владения вещью.

Если спорная вещь находится во владении ответчика в силу договорных отношений между ним и истцом, в удовлетворении виндикационного иска будет отказано.

Предметом иска в данном случае является материально-правовое требование к ответчику о возвращении вещи в законное владение истца. Основание же иска состоит из следующих фактов:

- факт возникновения субъективного вещного права на предмет виндикации (или иного права на чужую вещь);
- факт нахождения вещи в незаконном владении ответчика.

Соответственно, виндикационный иск является иском о присуждении, согласно процессуально-правовой классификации исков, т.к. такой иск направлен на понуждение ответчика к совершению определенных действий (возвратить вещь законному владельцу). В связи с этим первый из обозначенных

⁴ Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – Москва: Статут, 2011. – С. 495.

⁵ Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: [от 15 января 2013 г. № 153] // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 4. – Апрель.

нами фактов указывает на возникновение самого защищаемого права, а второй – на возникновение права на иск в материальном смысле.

Объектом виндикации может быть только индивидуально-определенная вещь. Вещи, имеющие родовые признаки, также не могут быть истребованы, т.к. они легко подвергаются смешению с однородными объектами. Иное имущество, не подпадающее под понятие «вещи», не может быть объектом виндикации. Долгое время в судебной практике использовалась, как представляется, не совсем удачная практика, согласно которой можно было истребовать из чужого незаконного владения акции и доли⁶. Учитывая, что акции – это бездокументарные ценные бумаги, существующие лишь в электронном виде, механизм защиты вещных прав в данном случае применяться не может, что со всей очевидностью вытекает из правовой природы акций (это касается и долей). К сожалению, некоторые современные судебные акты все же содержат подобное некорректное формулирование истцом своих исковых требований⁷. На замену подобной негативной практике пришло использование иска о восстановлении корпоративного контроля, возможность использования которого справедливо отмечалась в правовой литературе [4]. Представляется, что при заявлении истцом виндикационных исков, объектами которых являются акции или доли, суд должен предложить истцу уточнить свои исковые требования, чтобы окончательно избавиться от подобной порочной практики.

Виндикационный иск часто ассоциируется с истребованием вещи у конкретного нарушителя, у которого был обнаружен предмет виндикации. Однако часто бывает так, что вещь, выбывшая из владения субъекта вещных прав, проходит через длинную цепочку приобретателей. В связи с этим различают добросовестное и недобросовестное владение, которые предполагают разные правовые последствия. Виндикация допустима во всех случаях, когда ответчик признается недобросовестным владельцем вещи. Для возможности истребования вещи у добросовестного приобретателя в процессе судебного разбирательства истец должен доказать в совокупности следующие факты:

- 1) ответчик приобрел спорную вещь возмездно;
- 2) вещь выбыла из владения истца помимо его воли;
- 3) ответчик является недобросовестным приобретателем.

Категория добросовестности в данном случае упоминается в субъективном смысле, т.е. добросовестный приобретатель – это тот, кто не знал и не мог знать о том, что приобретаемое им имущество не принадлежит отчуждателю на законном основании.

Определенные особенности добросовестного приобретения существуют для публично-правовых образований. Суд отказывает в удовлетворении требования данных субъектов об истребовании жилого помещения у добросовестного приобретателя, который является частным субъектом, во всех случаях, если после выбытия жилого помещения из владения истца истекло три года со дня внесения в государственный реестр записи о праве собственности первого добросовестного приобретателя жилого помещения. Таким образом, законодателем обращается внимание на важность соблюдения публично-правовыми образованиями требований разумности и осмотрительности. Как справедливо указал Конституционный Суд РФ, пренебрежение данными требованиями со стороны публично-правового образования «не должно влиять на имущественные и неимущественные права граждан, в частности добросовестных приобретателей жилых помещений»⁸. Полагаем, что в данном случае применяется концепция повышенной ответственности органов публичной власти, что связано с их особым юридическим статусом.

Необходимо отметить и несовершенство отдельных законов, касающихся защиты вещных прав. Еще в 2003 г. Конституционный Суд РФ поставил точку в рассуждениях о соотношении виндикации и реституции, сформулировав запрет на оспаривание собственниками сделок, участниками которых они

⁶ Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций: информационное письмо Президиума Высшего арбитражного Суда Российской Федерации: [от 21 апреля 1998 г. № 33] // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1998. – № 6.

⁷ Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № А22-362/2020: [от 28 февраля 2022 г. № 308-ЭС21-29520]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.03.2022). – Текст: электронный.

⁸ По делу о проверке конституционности положения п. 1 ст. 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца: постановление Конституционного Суда Российской Федерации: [от 22 июня 2017 г. № 16-П] // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 5.

не являются⁹. Между тем такая возможность предусмотрена для собственников имущества унитарных предприятий согласно п. 3 ст. 20 Федерального закона РФ от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»¹⁰. Подобная возможность собственника бросает тень на обоснованность существования прав хозяйственного ведения и оперативного управления, т.к. публично-правовое образование, учредившее унитарное предприятие, не является непосредственным участником сделок между унитарным предприятием и иными участниками гражданского оборота, однако при этом может пользоваться обязательственными способами защиты. В связи с этим следует констатировать отсутствие четкой законодательной концепции о вещно-правовых способах защиты. Подобное положение дел усложняется и тем, что отсутствует приоритет вещно-правовых способов защиты перед обязательственными.

Негаторный иск – один из основных способов защиты вещных прав. Негаторным является иск собственника или иного субъекта вещных прав о защите своего вещного права путем устранения нарушений, не связанных с лишением владения. Соответственно, в отличие от виндикационных исков, негаторный иск предъявляется в силу нарушения правомочий истца по пользованию и (или) распоряжению вещью, но не связан с лишением правомочия по владению. При этом длительность нарушения права не препятствует удовлетворению этого требования судом, т.к. в данном случае не применяются сроки исковой давности.

Негаторный иск является иском о присуждении, т.к., удовлетворяя негаторный иск, суд может возложить на нарушителя обязанность совершить определенные действия (например, вывезти мусор), а также воздержаться от действий (например, прекратить размещать отходы производства на земельном участке)¹¹. Предметом негаторного иска является материально-правовое требование к ответчику о совершении определенных действий, устраняющих нарушение вещных прав истца, не связанного с лишением владения, или требование о воздержании от действий, нарушающих подобные вещные права. Основание иска формируется из двух фактов:

- 1) факт возникновения субъективного вещного права (или иного права на чужую вещь);
- 2) факт нарушения ответчиком вещных прав истца, не связанного с лишением владения.

В некоторых случаях для наиболее эффективной защиты законных интересов заинтересованного лица вещно-правовые способы следует комбинировать с иными способами защиты (деликтным, кондикционным). В качестве примера смоделируем следующую ситуацию: сосед с верхнего этажа затопил жилое помещение собственника жилого помещения. В этом случае собственник жилого помещения в рамках негаторного иска вправе потребовать от соседа устранения воды в жилом помещении, но не замены испорченного имущества или возмещения его стоимости, что возможно путем предъявления деликтного иска. Если же собственник жилого помещения самостоятельно устранит последствия нарушения, то он может предъявить кондикционное требование (основанное на неосновательном обогащении) для возмещения расходов с причинителя вреда.

Рассмотренные требования являются базовыми в системе вещно-правовых способов защиты, что следует из содержания гл. 20 ГК РФ. Однако для формирования общей картины необходимо затронуть и иные способы защиты.

Российское законодательство допускает предъявление иска об освобождении имущества от наложения ареста или исключения его из описи. Истцами по данному требованию могут быть не только собственники, но и иные субъекты вещных прав, в том числе залогодержатели. Ответчиками являются должник и взыскатель, судебный пристав-исполнитель же имеет процессуальный статус третьего

⁹ По делу о проверке конституционности положений п. 1 и 2 ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева: постановление Конституционного Суда Российской Федерации: [от 21 апреля 2003 г. № 6-П] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 17. – 28 апреля. – Ст. 1657.

¹⁰ О государственных и муниципальных унитарных предприятиях: федеральный закон Российской Федерации: [от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 48. – Ст. 4746.

¹¹ Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: [от 15 января 2013 г. № 153] // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 4. – Апрель.

лица, не заявляющего самостоятельных требований¹². Существуют различные позиции относительно правовой природы подобных исков. Так, некоторые ученые считают иски об освобождении имущества от ареста (исключении из описи) негаторными или виндикационными [5, с. 780]. Другие же авторы (в частности, Е.А. Суханов) полагают, что данный иск следует рассматривать в качестве разновидности общего иска о признании права, закрепленного в ст. 12 ГК РФ, т.к.: существо рассматриваемого иска сводится к требованию о признании права собственности или иного вещного права истца на включенное в опись и арестованное имущество; объектом его могут являться не только вещи, но и иное имущество (бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства) [3].

Согласимся, что иск об освобождении имущества от ареста (исключении из описи) вряд ли может являться специальным вещно-правовым способом защиты. Тем не менее, нельзя сводить данный иск к требованиям о признании права, т.к. с процессуально-правовой точки зрения иск об освобождении имущества от ареста (исключении из описи) является иском о присуждении, который может подлежать принудительному исполнению в рамках исполнительного производства, в то время как иск о признании права является иском о признании. Руководствуясь логикой указанного автора, нужно сделать вывод о том, что иск об освобождении имущества от ареста (исключении из описи) может являться разновидностью признания недействительным акта государственного органа (ст. 13 ГК РФ), т.к., по существу, в рамках судебного разбирательства выясняется вопрос о законности постановления судебного пристава-исполнителя об аресте имущества. Соответственно, иск об освобождении имущества от ареста (исключении из описи) не является специальным вещно-правовым способом защиты, но при этом представляет собой общий способ гражданско-правовой защиты, не упомянутый в открытом перечне ст. 12 ГК РФ.

Похожими признаками обладают иски о снятии запрета на распоряжение имуществом, в том числе запрета на совершение регистрационных действий. В отличие от ареста, посредством которого может ограничиваться правомочие не только распоряжения, но и пользования, упомянутые иски связаны исключительно с ограничением распоряжения. Кроме того, запрет на распоряжение имуществом часто налагается, когда место нахождения имущества неизвестно, в то время как арест предполагает наличие точных сведений о месте нахождения вещи, которая перед арестом должна быть описана. По этой причине иски об освобождении имущества от ареста подаются по месту нахождения арестованного имущества (исключительная подсудность), а иски о снятии запрета на распоряжение – по адресу ответчика (общая подсудность).

Следует затронуть и способы защиты, которые связаны с исками о признании. Наиболее известными в данном случае исками являются иски о признании вещного права, а также иски о признании права (обременения) отсутствующим. Иск о признании вещного права, с точки зрения классификации исков о признании, является положительным, а иск о признании права отсутствующим – отрицательным [6, с. 16]. Указанные иски, согласно позиции К.А. Усачевой, выступают разновидностями негаторного иска [7]. В настоящий момент судебная практика исходит из того, что иск о признании права отсутствующим относится к негаторным искам, в связи с чем к данному иску не применяются сроки исковой давности¹³. Приведенная позиция представляется спорной по причине того, что указанные требования в некоторых случаях могут быть связаны с лишением владения. Кроме того, как справедливо отмечал К.И. Скловский по поводу отнесения исков о признании права отсутствующим к негаторным искам, «это предположение не кажется убедительным, поскольку негаторный иск все же не является спором о принадлежности вещи» [8, с. 200]. В данном случае наиболее обоснованной является позиция Е.А. Суханова, который считает иск о признании права отсутствующим разновидностью иска об оспаривании правильности записи в реестре [3, с. 254].

¹² О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22: [от 29 апреля 2010 г.] // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 6. – Июнь.

¹³ О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: [от 29 сентября 2015 г. № 43] // Российская газета. – 2015. – № 223. – 5 октября.

Следует отметить, что сами по себе указанные способы защиты малоэффективны, т.к. иски о признании не подлежат принудительному исполнению. В связи с этим необходимо констатировать, что вещно-правовые способы защиты, связанные с исками о признании, должны применяться в комбинации с иными способами защиты исполнительного характера. Так, иск о признании права отсутствующим может сочетаться с требованием об исключении записи о регистрации этого права из Единого государственного реестра недвижимости.

Учитывая ограниченный предмет исследования, в статье рассмотрены лишь те вещно-правовые способы защиты, которые можно отнести к категории основных, т.е. наиболее часто встречающихся в правоприменительной практике. Тем не менее, изученный материал позволил сформулировать важные выводы.

Во-первых, отсутствует четкая законодательная концепция о вещно-правовых способах защиты. Некоторые законодательные акты допускают использование обязательственных способов защиты субъектами, не являющимися участниками конкретного обязательственного правоотношения. Подобное положение дел усложняется и тем, что отсутствует приоритет вещно-правовых способов защиты перед обязательственными.

Во-вторых, для наиболее эффективной защиты законных интересов заинтересованного лица вещно-правовые способы следует комбинировать с иными способами защиты (деликтным, кондикционным). При этом вещно-правовые способы защиты, связанные с исками о признании, должны применяться в комбинации с иными способами защиты исполнительного характера.

В-третьих, иск об освобождении имущества от ареста (исключении из описи) не является специальным вещно-правовым способом защиты, но при этом представляет собой общий способ гражданско-правовой защиты, не упомянутый в открытом перечне ст. 12 ГК РФ.

Список литературы

1. Колоколова Е.О. Вещное право на жилое помещение // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 1. – С. 35–39.
2. Слабоспицкий А.С., Семикин Д.А. Актуальные проблемы защиты прав потребителей // Современное право в условиях реформирования общества и государства: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Москва, 2022. – С. 309–312.
3. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. – Москва: Статут, 2017. – 559 с.
4. Сарбаш С.В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. – 2008. – Т. 8, № 4. – С. 70–79.
5. Авиллов Г.Е., Безбах В.В., Брагинский М.И. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. О.Н. Садикова. – 3-е изд., испр., перераб. и доп. – Москва: Контракт; Инфра-М, 2005. – 940 с.
6. Сазанова И.В. Иск о признании зарегистрированного права (обременения) отсутствующим: место в системе способов защиты гражданских прав // Юрист. – 2021. – № 10. – С. 14–20.
7. Усачева К.А. Негаторный иск в исторической и сравнительно-правовой перспективе // Вестник гражданского права. – 2013. – № 6. – С. 84–130.
8. Скловский К.И. Применение законодательства о собственности. Трудные вопросы. – Москва: Статут, 2016. – 209 с.

References

1. Kolokolova E.O. Veshchnoe pravo na zhiloe pomeshchenie // Semejnoe i zhilishchnoe pravo. – 2020. – № 1. – S. 35–39.
2. Slabospickij A.S., Semikin D.A. Aktual'nye problemy zashchity prav potrebitelej // Sovremennoe pravo v usloviyah reformirovaniya obshchestva i gosudarstva: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. – Moskva, 2022. – S. 309–312.
3. Suhanov E.A. Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatel'nyj ocherk. – Moskva: Statut, 2017. – 559 s.
4. Sarbash S.V. Vosstanovlenie korporativnogo kontrolya // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2008. – T. 8, № 4. – S. 70–79.

5. *Avilov G.E., Bezbah V.V., Braginskij M.I.* Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti pervoj (postatejnyj) / pod red. O.N. Sadikova. – 3-e izd., ispr., pererab. i dop. – Moskva: Kontrakt; Infra-M, 2005. – 940 s.
6. *Sazanova I.V.* Isk o priznanii zaregistrovannogo prava (obremeneniya) otsutstvuyushchim: mesto v sisteme sposobov zashchity grazhdanskih prav // *Yurist.* – 2021. – № 10. – S. 14–20.
7. *Usacheva K.A.* Negatornyj isk v istoricheskoy i sravnitel'no-pravovoj perspektive // *Vestnik grazhdanskogo prava.* – 2013. – № 6. – S. 84–130.
8. *Sklovskij K.I.* Primenenie zakonodatel'stva o sobstvennosti. Trudnye voprosy. – Moskva: Statut, 2016. – 209 s.

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 3 (34)' 2022

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор	<i>Голованова Е.В.</i>
Компьютерная верстка	<i>Савеличев М.Ю.</i>
Переводчик	<i>Грибов В.В.</i>

Электронное издание.

Подписано в тираж 12.10.2022.

Печ. л. 7,25. Усл.-печ. л. 6,74. Уч.-изд. л. 5,02.

Объем 1,17 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 0089.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.